

Фадэра

12+

Дух

Дина Дар

Фадэра. Медитативное чтение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31516553

SelfPub; 2018

Аннотация

Рай...что это за место? Как он выглядит и где он всё же находится – на земле или за границами нашего мира? Роман-метафора, роман-аллегория.Фадэра – это имя главной героини, своенравной молодой кубинки, которая учится в израильской академии искусств. В тот момент, когда её карьера только начинает набирать обороты, она переживает внутренний кризис из-за воспоминаний о своей семье, в которой всё было не так прекрасно. Волей судьбы Фадэра знакомится с Раином, который единственный отвечает на её вопросы. Он бросает ей вызов, предлагая уехать в далекое незнакомое место. Так героиня попадает на остров ловцов жемчуга в самый разгар сбора урожая моря.

О КНИГЕ

Удивлены? Медитативное чтение – это что-то новое для Вас?

Дорогой читатель, это хорошо забытое старое. Медитативное чтение – это когда ты не стремишься донестись до финала произведения, проглатывая один за другим абзацы, борясь внутри себя с претензиями по отношению к автору и его замыслу. То, что я хочу донести в этой книге, можно понять только сердцем, открытым всем реальностям, которые нас окружают – бытовым, творческим, духовным, Вселенским.

В медитативном чтении не важен конец произведения – вся суть в удивительном проживании мира здесь и сейчас.

И если настанет момент в книге, когда вы не поймёте, что хотел сказать автор... Остановитесь, оторвите ваш взгляд от зашифрованных строчек, расслабьтесь, закройте глаза, представьте тех, кого вы любите всем сердцем, улыбнитесь им... Пребывайте в этом состоянии столько, сколько захотите, впитывая умиротворение и счастье единения. Настанет момент, когда вы захотите вновь открыть глаза и вы увидите, будто всё впервые, будто неизвестное окружило вас и выросло в тот период, пока ваши глаза были закрыты.

Если так произошло, то вы можете продолжать своё медитативное чтение, чувствуя всем сердцем то, что не смогли понять умом, и тогда ваше Духовное Око прозреет само.

ОТ АВТОРА

Один человек мне сказал: «Что бы ни происходило в твоей жизни – пиши». Моему вдохновению было достаточно одной этой фразы, и я взялась за первый в своей жизни роман. Его судьба была непростой. Под жесткой рукой различных редакторов он превращался то в рассказ, то в краткую повесть, вычёркивались описания целых культур, важные эпохи человеческих взаимоотношений. Вердикт критиков был краток: «Люди так не могут думать – это невозможно!»

Они правы, люди не могут так думать – люди могут так только чувствовать, неся в себе собственное великое, бесконечное. Я доверилась себе, каждому своему слову и вернула всё в первоизданный вид – с новосочинёнными словами, со спорящими с грамматикой знаками препинания и ещё другими творческими вольностями, которые я применяла к русскому языку.

Дорогой читатель, но свитер и греет оттого, что в нём есть колющая шесть, которая заставляет пробуждаться всё тело.

Я желаю вам пробуждения... Удачи.

«Нежность – счастье утомлённых»

Художник Фадэра

Картина была практически готова, оставалось только покрыть лаком. Фадэре безумно нравилось то, что она запечатлела. Может, впервые в жизни она вложила в холст ча-

стичку души. Картина была проста – две девушки прикоснулись друг другу лицами с закрытыми глазами. Просто молчать... Равный диалог двух душ. Ярче красок. Вот что старалась изобразить она,... да и множество других художников.

Ворвалась Сорин и от увиденного вскрикнула.

– Ах! Как симпатично!

– Тебе нравится?! – с вдохновением спросила Фадэра. Сорин подошла к мольберту, быстро просмотрела картину сверху донизу и выдала свой вердикт:

– Отлично! Лесбиянки вышли то что надо!

Фадэра огорчённо вздохнула. Как всегда, любое творение превращается в хлам из-за пары фраз слепых людей, которые ничего не видят, но упорно целятся тебе в глаза, чтобы сделать тебя подобным им – слепым – и поэтому здоровым, а ты зрячая, значит, нездорова. Иди лечись!

«Кстати, о лечении – неплохая мысль!» – Фадэра поднялась со своего места, в шутку называемого «намоленным». Действительно, запах краски напоминал чем-то запах благовоний в храме. Она оставила Сорин в комнате, та была более устойчива к запаху искусства. Как у всякой соседки по комнате, у неё выработался рефлекс не замечать того, что происходит с живущими рядом. Попросту, все превращается в тень, даже Фадэра...или нет...и Фадэра тоже. Она вышла из комнаты, пару шагов по квартире – и вот она уже на балконе, курит из общей пачки сигарет, так удобно. Все художники курят, заменяя себе этим кислород, мысли о прошлом, на-

стоящем и будущем. В их квартире и так уже плюнуть было некуда, того и гляди попадешь в творческую натуру.

Стоя на балконе, Фадэра подумала про себя, какое всё-таки хорошее сочетание: сигарета, девушка и её сигаретные мысли. Диалог между ней и сигаретой продолжался недолго, но за это время Фадэра успела поразмышлять на разные темы: вот она здесь, в самом центре котла под названием Бецалель. Вот она – великая академия художественных и прикладных искусств, которую каждый год тысячи абитуриентов пытаются взять как последнюю Бастилию, но только ломают копыя своего стремления о стены из множества вопросов. Ваше творчество, оно, как вы думаете, будет актуально через 100 лет? Вы считаете его оправданным для мира искусств? И если ты отвечаешь да, то за тобой с грохотом закроется дверь, а из-за неё тебе продекламируют: «Что ж, нам вас нечему научить, вы и так состоявшаяся личность и вконец замечательный творец!» Уходя в свой лагерь «понимающих людей», потирая свои ссадины от колких сарказмов, они поднимают в последний раз свой зазубрившийся меч самолюбия и как бы произносят: «Я вам ещё покажу! Я вам такое выдам! Вы за мной ещё приползёте...»

«Интересно, а ведь на их месте могла быть и я», – подумала Фадэра.

Забавно, девушка, которая приехала с далёкой Кубы, вооружённая для покорения строгого жюри лишь одной картиной. Первое, что ей сказали, едва она развернула картину

фронтально: «Вы что? Издеваетесь?! Что это за сюжет: два старика сидят на скамейке и улыбаются?» И кто-то ещё более умный: «Я уже молчу про технику исполнения!» «Да, вы абсолютно правы! Абсолютно!» Между этим утвердительным кряканьем кто-то более адекватный вдруг спросил: «Первого персонажа я узнал, это Фидель Кастро. А другой?»

– Это Че Гевара.

И тут все смолкли.

– С чего вы взяли, что Че Гевара был бы именно таким стариком?

– А с чего вы взяли, что не таким?

И тогда по простоте душевной она сказала: «Если вам не нравится, я переделаю его на того, кто для вас является таким».

Вышла. Ожидание. Вы приняты. Другим: «До свидания, до следующего года». Ничего не объясняли, почему они меня выбрали?! Я думала: «Наверное, за талант, за оригинальность и южную самобытность». Мама не врала, когда говорила, что ей очень нравится, как я рисую собак у соседей на заборе. Только потом мне объяснили, что меня взяли исключительно за то, что я послушная. Дословно: «Такая девушка будет очень востребована у людей, потому что она следует их желаниям, а желание заказчика – закон для художника». Когда Фадэра вглядывалась в прошлое, ясным для неё оставалось лишь одно: она никогда не исправила бы картину и не будет исправлять ее сейчас и в будущем. Чувство художни-

ка – вот что для неё было законом. Всё её творческое бытие представилось как Мёртвое море – на него она смотрела с балкона, в котором не тонут лишь соль и туристы!

Она заглянула в пачку сигарет. Закончились... Фадэра даже не успеларасстроиться по этому поводу, как с треском на балкон ворвалась Хорха и в приказном тоне сказала:

– Дай закурить!

Смяв пачку сигарет и кинув на кафельный пол, она показала Хорхе, что надеяться ей не на что.

– Ещё три часа дня, а ты уже похожа на человека с двенадцатичасовой рабочей одышкой. Что случилось?

Хорха, пропустив вопрос мимо ушей, в то же мгновение достала свою табачную заначку из щели дверного косяка. Расправив резким движением залежалое добро, она впихнула в свой рот сигарету, будто кинув бревно в печь, и подпалила свою первую затяжку. Она выпустила пар, нервно размахивая сигаретой, как, собственно, и кистью во время написания учебных художественных работ. В ней нарастало негодование. В такие моменты она походила на Гойю, гонимого призраками.

Вдруг из неё вырвалось: «Уроды!» Она говорила что-то скверное на своём родном ливийском языке, а затем прибавила: «Да что они понимают, галеристы хреновы!» Потом обернулась к Фадэре и с вызовом произнесла: «Я тебе сейчас покажу!» Через мгновение Хорха появилась с холстом метр на метр.

– Видишь?!

– Вопрос, конечно, провокационный. Знаешь, когда как, иногда мне...

Хорха перебила саркастические рассуждение.

– Фадэра, перестань! Это самая лучшая моя работа! Ну что им могло не понравиться в ней?!

Фадэра присела на корточки, чтобы рассмотреть картину внимательнее. Действительно, что их смущало? В этой работе всё понятно: с левой стороны нарисован красный треугольник, с правой – синий квадрат, а в центре композиции – зелёная груша. Пока Фадэра разглядывала картину, Хорха добавила:

– Название «Жена и Муж делят совместно нажитое имущество». Чистейший концептуализм.

Фадэра подумала: «Концептуализм, угу... чистейший идиотизм. Конечно, художники – народ сумасшедший, но сумасшествие – болезнь недоказуемая, а в этом полотне налицо хронический художественный насморк».

– Ну, как тебе? – прервала мысль Хорха.

– Ты хочешь услышать мой вердикт? Хорха, мы с тобой работаем в разных жанрах, и я не вправе говорить о том, чего не понимаю и не уверена, что хочу понять.

– Что бы ты исправила в картине? Мне интересно твоё мнение. Говори смело, я приму это к сведению.

Фадэра помолчала, затем начала говорить:

– На твоём бы месте я бы исправила фон с бежевого на

песочный, так лучше заиграют краски и фигуры будут выглядеть объёмнее, добавь ещё сюжетных предметов – в этом я тебе не помощник, но так композиция будет понятнее.

Фадэра отвела глаза от полотна и взглянула на Хорху, та резко затянулась и на выдохе с дымом произнесла:

– Ты хочешь сказать, что я плохой художник?!

Фадэра опешила от такого поворота событий.

– Хорха, неужели ты меня сейчас не слышала?! – она подошла и приобняла её за плечо. – Не знаю, что от тебя хотели владельцы галереи, но картина чудесная, если ты, конечно, в неё веришь, как в самую лучшую.

Хорха сделала последнюю затяжку и затушила сигарету о картину, прямо о зелёную грушу, и произнесла сакраментальную фразу всех «униженных и оскорблённых»:

– Я верю в то, что не родилось ещё поколение людей, которое поймёт моё искусство.

Кинув последний презренный взгляд на Фадэру, она стремительно выскользнула, как мыло из рук ребёнка, обратно в комнату, оставив свою лучшую картину, уничтоженную одним движением горячей сигареты, и свою лучшую подругу, уничтоженную горящими словами обидного непонимания. И именно тогда Фадэра поняла что-то для себя доселе неизведанное: «Да, искусство забирает сердце у самых лучших».

☪☪☪

В аудитории было душно – как-никак начало мая, а в

Иерусалиме уже под 30 градусов. Студентов набилось столько – яблоку будет негде упасть. Ажиотаж был понятен. Уже неделю всё в академии дышало ожиданием великого новатора в живописи и архитектуре, человека-оркестра, как его окрестили критики. Трепеща, публика ожидала великого Шафира Лефаса. Фадэра стояла в проходе между рядами. Было неудобно, ноги уже начинали затекать, звезда опаздывала, как и положено. Можно сказать, что Фадэру сюда привёл стадный, заражающий всех интерес. Интерес с каждой минутой угасал, а сожаление, что ей уже не выбраться из этой людской воронки, становилась всё больше. Ремень от сумки, в которой лежала нарисованная вчера картина, натирал плечо, и от этого обстановка становилось ещё невыносимее. Но всё-таки она была в более выигрышном положении в отличие от тех, кто разodelся в соответствии со своим внутренним миром. Одни сидели с разноцветными дредами, кто-то приклеил к ресницам голубые перья – это, видно, для того, чтобы они контрастировали с оранжевой шубой, две девушки надели балетные пачки на свои далеко не балетные фигуры, в общем, каждый выделялся как мог. Человека в шортах, белой майке и с узлом волос на голове было не заметно... и это была Фадэра.

Когда в этой тарелке несовместимых ингредиентов энергия накалилась до такой степени, что всех начинало бить статическое электричество, появился Шафир Лефас. Подобно маслу, он влился в эту толпу и смазал «все и вся». Всё при-

шло в движение. Этот волшебник был, как всегда, элегантен, холоден, колоссален. В два смычка Шафир Лефас заставил всех его слушать. Словно воскресший Паганини, он был готов сыграть своё новое произведение специально для этой публики.

– Если мы музыкальные инструменты в руках Бога, то могу сказать, что Бог ужасно фальшивит.

Так начал свою микрофонную речь Шафир Лефас, периодически убирая свои белоснежные волосы с загорелого лица.

– Часто при посещении музеев, выставок или даже при просмотре творчества тех или иных художников нас невольно посещают мысли: «Что это? Это что угодно, только не искусство. Я и сам бы лучше нарисовал».

Все в аудитории положительно закивали и как один сказали: «Да, вы чертовски правы».

– Ребята, могу сказать: для того чтобы нарисовать плохую картину, нужно тоже учиться. Это тоже искусство. Искусство протеста. Я знаю художников, которые творят под действием наркотиков и алкоголя (кто-то в зале хихикнул). Но мы не будем углубляться в детали, кто к каким демонам обращается, когда хочет достучаться до Рая. Творческой неги, так сказать. Главная задача таких художников – провокация. И больше, скорее, в поведении, чем в работах. Такое искусство (а это искусство!) подрывает устои так уже полюбившихся Рафаэля, Рембрандта и Веласкеса. Но что за суп без соли!

Зал засмеялся, а он, довольный и красивый, продолжал

мысль:

– Критиковать этот жанр никогда не перестанут, потому что он критикует творческий процесс в целом. Художников-протестантов часто называют фиглимистами или просто идиотами. Могу сказать, что слово «идиот» – не что иное, как «иди от». Они уходят от привычки, направляя всю свою жизненную энергию на поиски нового.

Помните, что, глядя на такие полотна, вы не должны изучать манеру мазков, игру света – вы должны понять идею и собрать воедино разрозненные куски смысла. Вас заставляют думать, в этом смысл искусства протеста. И как вы уже заметили, моя многопочтенная публика, я говорю «да!» такому искусству.

После этих слов Фадэра закрыла глаза, думая, что на минутку, но задремала, прямо стоя среди людей. Её голова скользнула кому-то на плечо, и этот кто-то был непротив: «Пусть спит, наверняка устала». Проснувшись она от микрофонного шума.

Художник продолжал речь:

– Ещё раз повторяю. Человек – это своего рода почва для семян искусства. Рано или поздно они прорастают, зацепляются за вас корнями – корнями творчества.

«Да, это пока единственный корень, который я могу впустить в себя», – выдохнула Фадэра.

Произнеся эту фразу, как бы кинув мнимому собеседнику, она начала пробираться к выходу.

– Простите, что вы сказали?

Услышав эти слова, Фадэра подумать не могла, что они обращены к ней.

– Девушка в смешных шортах, вы единственный человек, который сейчас стоит ко мне спиной. Вам не нравится моё выступление? Что вы сейчас произнесли, перед тем как начали уходить?

Фадэра обернулась навстречу взгляду одного человека, на неё же обернулись все в этой аудитории. Большинство жалели, что обращение прозвучало не в их адрес, и не понимали её молчания. Звёздный час, которым грех было бы не воспользоваться. Для Фадэры же вся эта ситуация была непонятным стечением обстоятельств. Игра «дяди случая». Как для милого глухого, она повторила:

– Я сказала, что «корень творчества» – это единственный корень, который я могу впустить в себя. Вот и всё. Простите меня, но мне нужно идти.

Она уже практически развернулась телом и мыслями к своей первоначальной цели.

– Вы имеете что-то против мужчин?

Случай начинал уже заигрывать с Фадэрой. Её ход был следующим. Аудитория напряженно молчала. Она взглянула на художника и с уверенностью врача, озвучивающего диагноз, сказала:

– А вы что – то против женщин?

Из динамиков прозвучал звонкий удивленный смех.

–Хм... Вы отвечаете на вопрос вопросом, недурно. Вы стесняетесь? Или, может,вы плохо понимаете английский?

– Вполне сносно себя чувствую, и для разговора с вами мне хватит знаний.

– Расскажите мне о себе.

– К сожалению, здесь находитесь не только вы. Не думаю, что мой монолог хотят слушать присутствующие. Все ждут ваших слов, а не моих.

– А я жду ваших.

Наступил момент, когда один взмах крыла бабочки мог бы вызвать цунами на другом конце планеты.

Фадэра начала:

–Меня зовут Фадэра Амах. Родом я из маленькой кубинской провинции Пинар-дель-Рио. Моя мать Калиста Амах работает на сигаретном заводе «Вегерос» в этом же городе. Когда она познакомилась с моим отцом Давидом Амах, офицером ВВС Израиля, на авиационной базе «Хацерим», он забрал её в Тель-Авив. Вскоре, когда я уже была в сознательном возрасте, из-за того что моя мама не могла найти место работы, она улетела обратно в Пинар-дель-Рио, забрав меня с собой. Но, несмотря на это, отец часто появлялся в нашем доме, и у меня никогда не складывалось впечатление, что меня воспитывает один родитель. Девять лет назад его тактический истребитель Ф-16 разбился вблизи границ Палестины.

Всё, что мне досталось от него – это фамилия, пара наград

и военная форма, я обрезала его военные штаны и сделала из них себе шорты, которые вы только что назвали смешными.

Опять она вернулась с того, с чего начинала, – к тишине.
– Простите, но мне пора идти.

Фадэра дрожала от душевного напряжения. Она кинулась вон из аудитории и даже не заметила, как наступает людям на ноги. Ремень у сумки оборвался, и картина с треском упала на пол. Она уже хотела бросить её, как вдруг Шафир Лефас, наблюдавший за её поведением, сказал:

– Фадэра, покажите мне вашу работу.

В этот момент она поймала эмоциональный подъём, который был свойственен только безнадёжно больным людям, когда они смеются смерти в лицо. Фадэра тут же парировала, улыбаясь:

– Ваша настойчивость достойна такой же благодарности. Что ж, я её и так уже не донесу.

Всё расступились и дали ей пройти к самой сцене, где стоял человек-оркестр. Кто-то даже помог ей донести картину. Ведь это было бы кощунством упустить такой шанс – встретиться взглядом с Шафиром Лефасом. Как врачи смотрят на рентгеновский снимок больного, так и он смотрел на её картину. Фадэра же, засунув руки в карманы, чем-то напоминала своего отца, такая же сильная, готовая к любым боевым задачам. Сейчас она поднялась на какую-то неопределённую высоту. Космоса ещё не было видно, а рельеф Земли уже терялся за облаками. Что же будет дальше? Чувство бодрящей

истерики медленно перетекало в восторженное ожидание.

Она не могла понять, что он изучает: технику, работу с цветом, сюжет. Все замерли, некоторые от нетерпения потеряли сознание, но его улыбка её обнадежила. Держа картину в одной руке, он подошел к Фадэре и обнял её другой.

– Друзья мои, мне понравилась работа Фадэры, это отличный пример «искусства протеста». Никогда я ещё не видел, что бы так рисовали любовь – любовь лесбиянок.

И в это мгновение он развернул картину к жаждущей публике. Было слышно, как все одновременно сделали вдох и выдохнули: «Браво!», «Неподражаемо!» Преподаватели шептались между собой: «Как говорите её зовут?» «Я её не помню, но таким талантом нельзя пренебрегать». Под эти крики Шафир Лефаса заявил:

–Эта девушка сделала действительно достойную работу. Молодец!

Оторвав взгляд от картины, он вновь всецело принадлежал публике для нового заявления.

– На похвале, конечно, нельзя закончить лекцию, да и вообще разговор об искусстве в целом... – на его лице сверкнула белоснежная улыбка, затем он добавил: Я уверен, что нужное именно для вас осело в ваших умах, а выводы...да кому они нужны! Не останавливайтесь, творите! На этой торжественной ноте я хотел бы закончить своё выступление. Всем спасибо.

И тут большинство устремилось за Шафиром Лефасом

испытать фортуна или сыграть с волей случая, ну или просто навязать ему свои работы. Остальные подбежали к Фадэре. Все в один голос утверждали, что в глазах всей академии она поднялась на недостижимую высоту. Её будущее обеспечено уже только одной похвалой Шафира Лефаса. Дальше шёл нескончаемый поток комплиментов и откровенной лести. И если бы на одно мгновение они остановили свои радостные крики, то услышали бы, что сердце Фадэры больше не стучит. Жизнь вокруг прекратилась, и даже любовь не могла возродить желание на вздох, ведь это уже не любовь, а «любовь лесбиянок».

Сидя на кухне в квартире, Сорин, Хорха и ещё пара приятельниц обсуждали триумф их подруги. Всё это сопровождалось горячительными напитками, которые развязывали не только языки, но и мысли.

– Нет, ну ты слышала, как она ему отвечала? – восторгалась, говорила Сорин.

– О чём ты говоришь, я даже видела реакцию наших преподавателей, которые сидели на первом ряду, вот уж действительно они не ожидали такой дерзости, – ответила Хорха.

Все рассмеялись. Затем в красках начали рассуждать на тему будущего Фадэры. Всё это ассорти из слов доброжела-

телей, завистников и откровенных фантазёров свелось к одному вопросу «А почему с ними такого не произошло?».

«Почему это произошло именно со мной?» – думала Фадэра, разглядывая свою картину в своей комнате. Это единственный вопрос, к которому сводились её мысли. Она не хотела участвовать в этом словесном кухонном балагане. У неё не было желания и сил выслушивать, а тем более отвечать на их вопросы. Долго всматриваясь в картину, она вспоминала, как на неё смотрели Сорин, Шафир Лефас, и теперь она хотела понять, почему они видят так легко то, что не видит она, и почему им так тяжело увидеть, что видит она. В какой-то момент Фадэра начала ненавидеть эту картину.

Одно резкое движение руки – и вот картина, как бутерброд, падает маслом вниз. Фадэра схватила сумку и убежала из комнаты на кухню.

Когда она вошла, все замолчали, а потом опять понеслись поздравления, ну и другая лапша, которая вешается тебе на уши, лишь бы ты не уходил.

– Сорин, дай мне ключи от машины.

– Куда это ты на ночь глядя?! Ты меня пугаешь.

– Поеду проветрюсь, размажу грусть по асфальту, так сказать.

– Будь осторожна.

Фадэра отрешенно добавила:

– Если что, то ты знаешь, где меня искать.

За Фадэрой закрылась входная дверь, а для её друзей

окончательно закрылось понимание действий их подруги.

Убежав от всех, Фадэра нашла на академической стоянке машину Сорин: маленькую красную мазду – надёжную машину с нулевой техникой безопасности. Что ж, на эту ночь это подходящая машина, для того чтобы затуманить ум скоростью. Фадэра села, кинула на заднее сиденье сумку, пристегнулась. Ключ, поворот, рёв кубической мощности, и вот уже кто-то ещё отправляется с тобой на поиски ответов непроезжих вопросов. С выезда со стоянки начинался её путь. Машина прокатилась по горе Скопус, огибая её с запада, впереди дорога объединялась с трассой, ведущей к самой низкой точке на земном шаре – Мёртвому морю. Для того чтобы туда попасть, Фадэре нужно было проехать по Иудейской пустыне. Во все времена люди уходили в неё от людских интриг и мирской суеты. Вечный приют для всех отшельников и преследуемых, и в эту ночь она приняла ещё одного человека в свою колыбель уединения.

Фадэра ехала около 100 км в час, пытаясь то остановить свои мысли, то просто догнать время.

Её мысли начали возникать так же неожиданно, как и дорожные знаки.

«В одном королевстве жил могущественный колдун. Однажды он сделал волшебное зелье и вылил его в источник, из которого пили все жители королевства. Стоило кому-нибудь выпить этой воды, он сразу же сходил с ума.

Наутро все жители королевства, отведав воды из этого ис-

точника, сошли с ума. Королевская семья брала воду из отдельного колодца, поэтому король и его семья не стали сумасшедшими.

Увидев, что в стране правит хаос, король попытался восстановить порядок и издал ряд указов, но настал момент, когда подданные короля перестали ему подчиняться, они решили, что правитель сошел с ума и поэтому отдает такие же безумные приказы.

Король признал свое бессилие и уже хотел оставить своё королевство. Но королева подошла к нему и сказала: «Давай тоже выпьем воду из этого источника. Тогда мы станем такими же, как они».

Так они и сделали. Король и королева выпили воды из источника безумия и тут же понесли околесицу. В тот же час их подданные отказались от своих требований, если король проявляет такую мудрость.

В стране воцарилось спокойствие, несмотря на то что ее жители вели себя совсем не так, как их соседи. И король смог править до конца своих дней.

Через много-много лет правнук колдуна сумел создать волшебное зелье, способное отравить всю воду на земле. Однажды он вылил это зелье в один из ручьев, и через некоторое время вся вода на земле оказалась отравлена. И вскоре на земле не осталось ни одного нормального человека. Но никто об этом не знает. Иногда на земле рождаются люди, на которых это зелье почему-то не действует. Они рождаются и

растут совершенно нормальными, даже пытаются объяснить остальным, что поступки людей безумны. Но обычно их не понимают, принимая за сумасшедших».

Фадэра не помнила, кто и когда рассказал ей эту притчу, так же, как и тот знакомый не знал сочинителя, время стирает автора, оставляя лишь его слова. Может, это и правильно, что всему есть один автор – Вселенная.

Поворот.

Слишком много сегодня было непонимания, и самое страшное то, что я всё помню. Каждое сказанное слово. Боже! Какая же это удручающая вещь – память. Почему мы помним то, что, КАЗАЛОСЬ, хорошо забыли? И забываем то, что хотели бы помнить? Наверное, и есть то зелье, которое сделало нас безумными. Но безумна ли я, раз это понимаю? Где взять ответ на эти вопросы?

Поворот налево.

Можно ли найти ответ в том, что я хочу помнить своё детство, которого не было. Ведь когда мы вернулись в Пинар-дель-Рио, мне было всего семь лет. Приходилось работать вместе с матерью, по 10 часов в сутки, таская коробки табака в фасовочную, а затем в середине дня приходиться к маме в цех и раскладывать готовые сигареты по пачкам. С самого детства ненавижу эту марку сигарет «Вегерос». Её курила и моя мать, в обеденный перерыв она часто любила повторять: «Фадэ, вот видишь, как это плохо курить, не бери с

меня пример», – и выдыхала кольца дыма мне прямо в лицо.

Поворот направо.

Я хочу забыть это время, когда отец изменил матери с её соседкой Каей. Узнав об этом из ругани родителей, я взяла пожарную краску из кладовки и нарисовала на заборе у дома Каи бешеную собаку, и судя потому, как меня избил мой отец, могу констатировать, что собаку нарисовала натурально. Хотя на самом деле мне хотелось просто защитить своих родителей от этого человека путём своего самовыражения, но уже тогда меня не понимали.

Подъём в гору.

Сегодня все узнали историю моей семьи, и не думаю, что в зале кто-то всхлипнул от восторга «Ох какая трогательная история!», но меня оценил сам Шафир Лефас! Благодаря его вниманию, абсурдно вдруг возникшему, я взлетела на высоту, мне до этого неизвестную. Уже виднеется радужное будущее. Остается только долететь, вот только бы хватило горячего и мощности.

Спуск.

...Но всё заканчивается: и жизнь, и война. Вот так и закончилось всё победой для всех, а для меня поражением. Разбилась с головокружительной высоты, как и отец под Палестиной, всё свелось к одной причине – человеческий фактор. Если Шафир Лефас хотел высмеять меня (да что тут сомневаться, именно этого он и хотел!), то у него это превосходно получилось. Он очень жирно приклеил картине ярлык

«любовь лесбиянок». Неужели никто никогда не почувствует мои картины? Мне жаль, что такие великие люди вкладывают свои художественные мысли в обыденные слова. Жаль вдвойне, что именно такие люди учат чувствовать окружающий мир таких, как я... Уже слишком поздно менять настроение цивилизации, а свет любви покрыт мраком людских взаимоотношений. Свет... О боже, машина! Нееееет!

Иудейская пустыня славилась своим умением стирать с лица земли целые города, сокровища, реки и даже моря. Вот и сейчас, утром, у одного человека на несколько часов стёрлась память. Попросту Фадэра потеряла сознание. Пробуждение её было не из приятных. Потирая ссадины на лбу, она пыталась понять, что с ней произошло.

–Ммм... Чёрт! Что это было? Так, всё по порядку: я увидела грузовик, затем вывернула руль резко влево и... Ах, как больно! – Фадэра трогала затёкшую шею. – Неужели я провела здесь всю ночь?! Неужели никто не остановился посмотреть, что со мной?! Да-а-а... Тяжело...»

Фадэра открыла переднюю дверь и попыталась выйти из машины, но упала обратно. Она схватилась за дверцу и на одних руках вытащила себя из машины. Немного размявшись, начала ощупывать себя. Из положительного: болело только колено, из-за удара о панель управления болела голова, неиз-

вестно как уцелевшая от сильного удара о руль, можно даже было увидеть на лбу отпечаток значка «Мазда». Но всё равно ничто не шло в сравнение с тем, что было с машиной.

– Твою мать! – вырвалось из груди Фадэры. Левое колесо ушло практически полностью под машину, от этого пострадала передняя подвеска. О дальнейшем путешествии к Мёртвому морю не могло быть и речи. Фадэра уже отъехала на приличное расстояние от Иерусалима, километров 40 точно. И как специально, на трассе было пусто, ни одной машины! Это было просто волшебство какое-то, чтобы в 8 часов утра она пустовала. Это из разряда того, чтоесли бы листья деревьев вдруг начали падать вверх. Ничего не оставалось делать, как взять сумку с заднего сиденья и пойти по обочине искать помощи. Закрыв машину на ключ, Фадэра отправилась в путь. Мысли о том, что при встрече с Сорин она может поколотить в лучшем случае, не очень пугали. Было гораздо обиднее, что не получилось доехать до моря. Тепло болело. Вокруг ни души. Слева и справа была пустыня. Бывает время, когда пустыня превращается в зелёный Эдем, переполненный яркими экзотическими цветами, но сейчас многочисленные источники, берущие начало в Иудейских горах, практически высохли из-за нехватки дождей, и только по некоторым участкам суши с зелёными кустарниками было видно, что где-то глубоко под землёй есть живительная влага.

Солнце начинало припекать. Фадэра прошла уже кило-

метра три, а машины навстречу так и не ехали. Она была бы рада любому человеку. Никогда она ещё не хотела так встречи вообще с чем-нибудь живым. Пот струился из всех пор, и Фадэра уже начала смеяться над собой, что сейчас она похожа на загнанную лошадь. Это уже начинало походить на температурный бред, но от того становилось веселее. Жажда начинала высушивать не только горло, но и голову. Видно, от мозговых испарений с неё случился очередной всплеск «поучительных историй».

«Однажды человек заблудился в пустыне. Он долго блуждал и не мог найти выход из неё. Не встречались ему ни города, ни люди. Когда закончились все запасы еды, а потом и воды, человек начал молиться о том, чтобы Господь послал ему хотя бы капельку дождя. Но на его просьбы солнце начинало ещё больше сиять и накалять песок в пустыне. Долго человек упрашивал, молил Господа. Наконец он не выдержал и заплакал. От такого сильного потока слёз он смог напоить себя и продолжить свой путь».

– Интересно, а ещё во фляжку себе он успел наплакать? – ёрничала она про себя.

Придётся и мне скоро заплакать. Вот и машина проехала... О Господи, машина!

Фадэра побежала за этим автомобилем. Пытаясь догнать его, она споткнулась о камень и упала на больное колено. Тело пронзила острая боль.

– Так, наверное, я это заслужила.

Поднявшись с колен, Фадэра увидела, что машина остановилась... на бензозаправке! Какое счастье! Она подняла руки к небу, как будто для молитвы, и сказала:

– Да, я это заслужила!

Через 15 минут Фадэра уже добралась до бензозаправки. В том автомобиле, за которым она так яростно гналась, водителя не оказалось, и в кассе никого не было. Единственное место, откуда доносились человеческие голоса, было придорожное кафе с многообещающим названием «Кафе».

Когда она открыла дверь в предполагаемое место помощи, на неё повеяло прохладой, такой божественной прохладой кондиционера, что на мгновение Фадэра испытала блаженство, схожее по силе с выкуренной сигаретой во время жёсткой завязки. Затянувшись прохладным воздухом, она начала осматриваться. Небольшое помещение, на окнах – жалюзи, которые, видно, давно забыли, как выглядит тряпка. В зале было около десяти столов без скатертей. За одним столом, в самом углу, сидели сразу пять человек. Все мужчины. Они что-то оживлённо обсуждали, смеялись, в общем, хорошо проводили время в отличие от Фадэры. Они даже не обернулись, когда зазвонил дверной колокольчик. Больше никого не было. Она подошла к буфету. Чтобы привлечь к себе внимание, Фадэра начала похлопывать по стойке со словами: «Здесь есть кто-нибудь?» От этих слов мужчины за соседним столом засмеялись ещё громче и дали друг другу пять. Она хотела сострить в их адрес, но не успела. Из-за за-

навески, похожей на деревянную лапшу, появился старичок. Через плечо у него висело несвежее полотенце, которым он настойчиво протирал стакан.

– Вы что-то хотели?

Фадэра улыбнулась.

– Не поверите, и до сих пор хочу!

Старичок заулыбался в ответ:

– Знаете, глядя на ваш измученный вид, уже точно ничего не хочется.

С Фадэры сразу слетел лёгкий флёр радости. Старичок увидел, как мгновенно опустились уголки её глаз. Пожилые люди, как никто, распознают это состояние удручённости в других.

– Что случилось с тобой, дитя моё?

Эти слова прозвучали из его уст как-то по-отцовски, ласково, с долей родительского сострадания.

– Я даже не знаю, с чего начать...

– Но ведь главное – начать. Ведь так?

Фадэра протёрла глаза как бы от пыли. На самом деле она пыталась стряхнуть с себя смущение и неловкость.

– Здесь, неподалёку от вашей заправки, сломалась моя машина, а точнее моей подруги. Хотелось бы найти того человека, который поможет мне её починить. И чем скорее... Да, скорее бы.

– Странно, что ты хочешь только этого.

Улыбаясь, он поставил стакан и наклонился к лицу Фадэ-

ры через буфет.

– Не грусти, я бы, конечно, и сам бы тебя выручил, да вот возраст у меня уже не тот, чтобы играть в спасателей. Для меня теперь наступило мирное время слушателя. Не волнуйся, сейчас к тебе подойдёт человек, который тебе поможет. А пока присаживайся, где тебе больше понравится. Может, ты ещё что-то хочешь? Дедушка Ола угощает.

Фадэра никогда не подумала, что для того, чтобы встретить хорошего человека, надо всего лишь уехать в пустыню, но тем и прелестна была эта неожиданная встреча.

– Спасибо вам большое, дедушка Ола.

Ей захотелось его расцеловать, но она сдержалась.

– Я сяду возле окна, – потом, смущаясь, добавила: И если можно, кофе...любой!

Вместо ответа старичок щёлкнул пальцами и пританцовывая скрылся за деревянной мишурой.

Фадэра села возле окна, прямо напротив шумной компании, кинула сумку на соседний стул. Начались минуты ожидания чуда. Некоторые ждут, когда закончится рабочий день, другие – когда наберётся полностью ванная, кто-то – когда их руки превратятся в крылья, а в остальном все ждут, чтобы их ждали. Вот и она ждёт. Думать было нечем, мыслей в голове уже не осталось, а когда нечем думать, Фадэра начинает рисовать. Еще на первом курсе академии куратор её художественной группы закармливал их одними и теми же словами: «Если у вас каждую секунду не находится при

себе блокнот и карандаш, то знайте: вы не художники, а фантазёры! Фантазёры, как известно, много не зарабатывают и долго не живут. Так что учитесь рисовать хотя бы там, пока вас никто не видит. Вперёд, наша слабая надежда на светлое искусство!»

– Вот раньше время было, – умилялась Фадэра.

Достав блокнот, в пружине которого предусмотрительно всегда торчал карандаш, она принялась делать зарисовки. В этом букете из листов только один был чистый. И только Фадэра хотела чиркнуть по нему карандашом, как из-за стола напротив кто-то произнёс:

– У кого-нибудь есть чистый лист бумаги?

Она поняла, что это обращаются к ней, не по имени, но всё-таки с вопросом. Ей очень не хотелось отдавать то последнее чистое, что при ней осталось. Да и тем более зачем он им, пусть смеются дальше. В ответ она решила промолчать и поскорее спрятать блокнот.

– Девушка, ну не жадничайте. Мы же все прекрасно видели, как вы доставали...

У Фадэры промелькнула мысль: «Угу, следят, значит».

– Это в ваших же интересах.

Вот такой наглости она не ожидала. Вырвав последний белый лист, она медленно, но гордо подошла к столику с четырьмя мужчинами и одним «крикуном». Как яблоко раздора, Фадэра поставила в середину стола блокнотный лист и саркастически серьёзно сказала:

–Вот. Наслаждайтесь. А моих интересов попрошу не касаться.

Затем с чувством выполненного долга развернулась и удалилась в границы своего столика.

На столе её уже ждал кофе с двумя кубиками сахара. Что ж, это отличный кавалер для дамы под названием сигарета. Так, начнём знакомство! Фадэра достала из сумки «четвёрочку», зажигалку, а вместе с ними и спокойствие.

Глядя в окно на пустынный пейзаж, Фадэра попивала кофе.

–Простите.

Фадэра оторопела: перед ней сидел парень с белым листком бумаги. Довольно приятной наружности, и только из-за этого можно было дать ему возможность сказать ещё несколько слов.

–Что на этот раз?

–Разрешите, я расскажу вам историю.

Тон его голоса звучал настолько уверенно, как будто он заранее знал, что Фадэра согласится.

Она подумала: «Господи, один хороший человек, четыре клоуна и один сумасшедший. Это уже не то что странно, это уже интересно!»

– Я начну?..

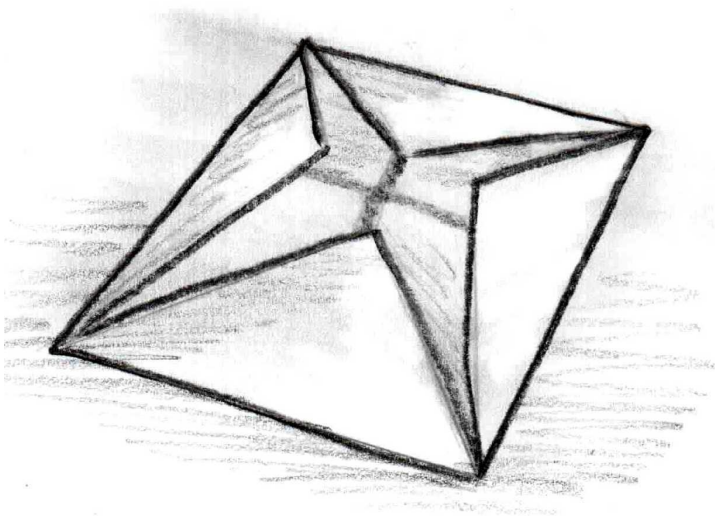
–Не запнитесь.

Он начал крутить белый листочек на столе и рассказывать историю.

– Жил был старичок, и была у него земля. Он всю жизнь мечтал путешествовать и под старость лет решил осуществить свою мечту. Денег не было – была только земля. Ничего не оставалось, как продать её...

Фадэра не верила своим ушам. Неужели это новый оригинальный способ познакомиться?! Парень поражал её своей отстранённостью и уверенностью. Создавалось такое впечатление, что ему действительно интересно то, что он рассказывает, и Фадэра ему интересна только в роли слушателя.

– ...Продал он одну четвёртую часть от общего участка... – на этих словах он сложил лист углами в центр.

...Но денег дали мало. Продал одну третью... – ещё раз сложил уголками

– ...Всё равно не хватало, и тогда он продал всю оставшуюся землю. Денег хватило лишь на билет на теплоход...– и тут молодой человек развернул

Это было настолько очень неожиданно, что просто вышибало напрочь понимание всего происходящего. Маленькое чудо для Фадэры. А парень тем временем продолжал...

– Там он встретил морячка. Вот в таких вот штаниш-

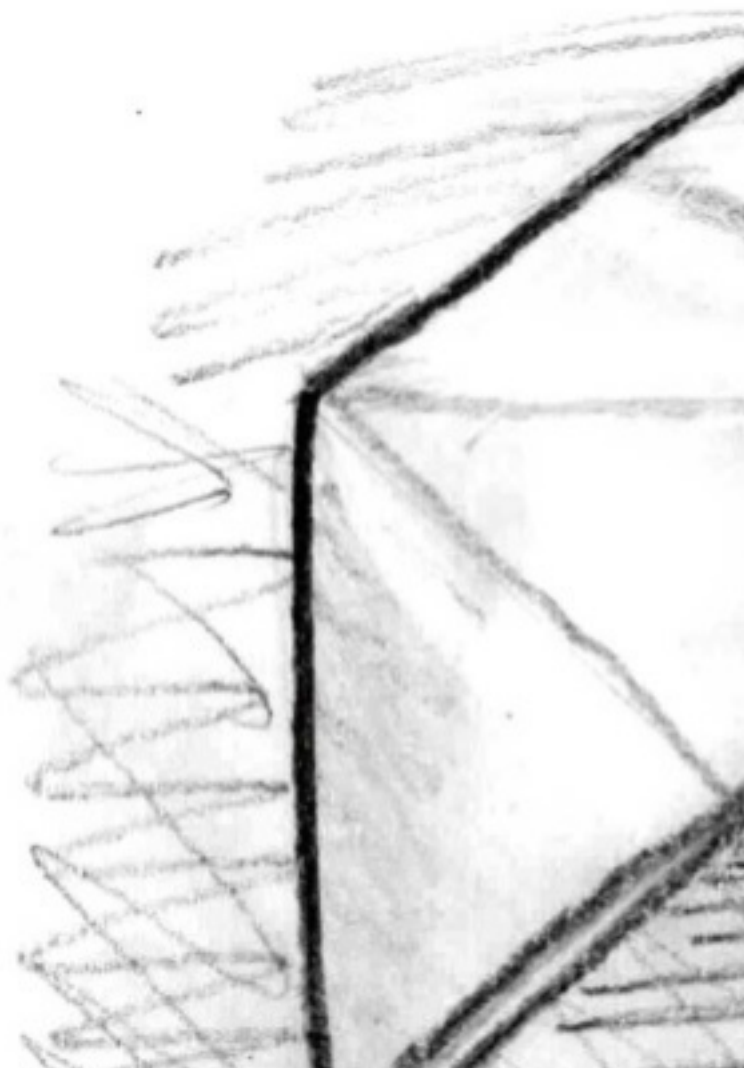
100 200 300 400 500 600 700 800 900 1000

ВОТ

В

такой

руба-

...Но морячок рассчитывал, что у старика с собой есть ещё деньги, и убил бедолагу. Недолго он бегал от правосудия. Его поймали и судили за таким вот сто-

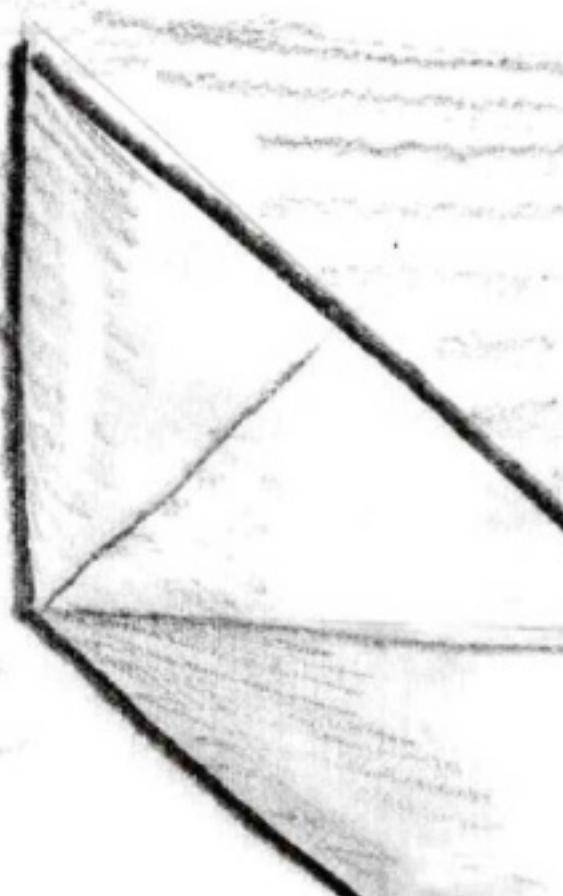
Handwritten text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is extremely faint and illegible due to the quality of the scan and the angle of the paper. It appears to be several lines of text, possibly a list or a series of notes, but no specific words or numbers can be discerned.

...Осудили морячка и сослали в тюрьму на остров.
Но он смог сбежать с него на вот такой вот лодоч-

...Его догнали на катере охранники. Вспороли ему правый борт,

...Если понравился рассказ, платите денеж-

–Ахахах! Так ты проделал весь этот бумажный этюд только ради того, чтобы получить от меня деньги?!

Мужчины действительно существа с другой планеты, которые отвечают на вопросы со своей орбиты.

–Меня зовут Раин. Можно просто Рай.

–Фадэра, можно просто девушка, которая не даст денег.

Фадэра очень гордилась тем, как её ум периодически выручал во всякого рода непредвиденных ситуациях. По её лицу было видно, как внутри она говорит себе: «Молодец! Ай да я!»

Но тут же остроты разбились о мужскую планету недостижимой рациональной логики.

–Кстати, у нас здесь не курят.

– Но зачем же здесь на всех столах присутствуют пепельницы?! Как– то странно видеть их в некурящем заведении.

–Фадэра, поверь мне, ещё страннее выглядит человек, который курит и стряхивает пепел в солонку.

Она посмотрела в так называемую пепельницу и увидела на дне этой миски свой позор. Фадэра уже целый час как стряхивает пепел в солонку. Но картина позора была бы неполной, если бы в это же мгновение не подошел дедушка Ола. Фадэра чувствовала, как её поедает неловкость.

–Дедушка Ола, простите мне мою невнимательность. Я не нарочно закурила. Прощ...

–Так, я вижу, вы уже познакомились?– не обращал внимания на слова девушки Ола.

Раин улыбнулся.

– Ну вот и отлично! – хлопая в ладоши, пропел он. – А почему вы ещё здесь? Рай, поезжай и почини её машину, она стоит где– то недалеко отсюда. Поторопись.

– Он будет чинить мою машину? – от удивления эту фразу она сказала неприлично громко.

– Да, дитя моё, прости, – иронично подметил дедушка, – но лучше кандидатов не было. Тем более какая тебе разница? Она же не твоя. Расслабься, – и пританцовывая он направился к буфету.

На это заключение дедушки Ола Раин кивнул, а затем громко рассмеялся, в эту же секунду смех подхватили мужчины за столиком напротив. Отодвинув своё оригами на край стола, он с наигранной серьёзностью произнёс:

– Давай мне ключи от твоей машины, и я поехал.

– Куда ты с ключами поедешь?

Этот абсурдный вопрос выскользнул из уст Фадэры. Она даже не успела опомниться.

После этих слов Раин стал абсолютно серьёзным. Он смотрел на неё как на безнадёжно больную девушку, и она не спускала с него глаз, боясь, что этот сумасшедший учудит ещё что–нибудь.

– Ну как ты думаешь? Естественно, я сейчас поеду к твоей машине. Открою её ключами, которые ты мне дала. Заберу всё самое ценное, что увижу, даже пахучий освежитель воздуха на зеркале, ведь ты так и не дала мне денег за мой

рассказ. С чувством выполненного долга я закурю в салоне, буду сбрасывать пепел куда придётся и на прощание оставляю тебе окурочек в бардачке. Так сказать, «последнее мерси».

–Ты что, сумасшедший?

–А ты что, больная?

И тут Раин не выдержал и залился смехом на всё придорожное кафе. На какое– то мгновение мужчины, сидевшие напротив, позавидовали, что с ними не сидит эта весёлая компания. У него был очень заразительный смех.

Мысли в голове у Фадэры настолько перемешались, что она перестала понимать юмор. Так бывает, когда напротив тебя сидит некрасивый, но достаточно интересный экземпляр мужского пола. Внешность далека от совершенства: смуглый, какой– то «рабочий» оттенок кожи, кудрявые короткие волосы, большие уши, подбородок приближен к волевому, как она уже успела заметить, сильные руки и большие, просто огромные глаза, цвета «грустного моря». У Фадэры как– то была краска с таким названием.

–Ой, прости не сдержался, – пытаюсь остановиться, он процедил.– Ты так на меня смотрела, я думал: взорвусь.

А Фадэра всё смеялась.

Успокоившись, Раин встал из– за стола и сказал:

–Если ты меня боишься или не доверяешь, пожалуйста, сиди здесь и ожидай. На данный момент я твой единственный шанс починить машину. Какие твои предложения?

– Я поеду с тобой.

Раин опять хихикнул.

– Судя по дрожанию твоих колен и ссадине на лбу тебе лучше остаться с дедушкой Ола. Через три часа жди меня на дороге у заправки. Твоя машина будет как новенькая.

Фадэра думала: «Бог мой, как он самонадеян! Да ещё и правду говорит. От этого обиднее вдвойне! Но стоит ли обижаться на правду, если она сказана не так, как ты предполагала?! Прав, убийственно прав! И что делать? Если я не доверяю даже себе, то как... КАК! объясните, я могу довериться человеку, которого знаю 20 минут?!»

– Фадэ, решай, что для тебя важно.

Фадэру вдруг парализовало. Никто и никогда не называл её просто Фадэ, кроме одного человека – её матери. Она не могла понять: это подкуп со стороны судьбы или злая шутка фортуны? Если Фадэра не попробует, то никогда так и не узнает.

– Подожди, Рай, не уходи...

Она окликнула его у самого выхода. Ещё чуть-чуть и дверной колокольчик бы уже прозвенел. Раин с довольной улыбкой вернулся к ней за столик. Фадэра достала ключи из кармана шорт и протянула их ему.

– Может, я сошла с ума, но раз в жизни, я думаю, имею на это право... Твоё лицо подозрительно внушает мне спокойствие.

Она положила ключи ему в ладонь, всё ещё продолжая держать за брелок. Раин тем временем наблюдал за этой де-

вушкой. Немного погодя, Фадэра решила и сказала:

– Действуй. Но...

Раин перехватил инициативу, пытаясь изобразить тон её голоса.

– Но не дай боже тебя не будет через три часа! Знаешь, что я с тобой сделаю!..

– Нет! – она отмахнулась от этой мысли рукой, – ...но зачем было разыгрывать весь это бумажный спектакль?

Рай не задумываясь ответил.

– Скажу просто: благодаря этому я смог тебя увидеть. Тебе действительно нужна помощь.

От удивления Фадэра разжала брелок, и Раин полностью завладел ключами.

Убегая к двери, он крикнул:

– Не уверуй в меня, а будь уверена во мне. И я вернусь.

Захлопнулась дверь придорожного кафе. Фадэра машинально начала дуть на свой уже давно остывший недопитый кофе. Глоток. Надо было успокоить себя хотя бы глотательным рефлексом. Она чувствовала, как влажный комок кофе пролетает внутри неё, до самого желудка. Это произошло настолько громко, что она смогла это отчётливо услышать. И тут Фадэра поняла: над залом повисла компрометирующая тишина. Все слышали их разговор. Нет смеха. Движение стульев. Даже кондиционеры работали тише. Остановка времени. Разве такое бывает?! Всю эту атмосферу Фадэра словно вобрала в себя и теперь взамен оставила свою пустоту. Из

пустоты, как и из этой пустыни, надо было находить выход.

«Только бы не думать о том, что «всё хорошо», – думала Фадэра, стоя на назначенном месте. Она пришла на целый час раньше, сбежав из оглушительной тишины в кафе, воцарившейся после ухода Раина. Она поблагодарила бабушку Ола за гостеприимство и добавила, что если когда-нибудь ещё раз заблудиться в пустыне, то обязательно к нему заглянет. На такой вот милой ноте они и расстались. Теперь она здесь. Стоит одна в пустыне, около дороги, ожидая очередного чуда от жизни, от которого, может, сегодня у неё откроются глаза, как открываются глаза после сна, когда звенит будильник. Как бы ей хотелось, чтобы всё это поскорее закончилось. Потом она улыбнулась, взглянула на солнце, какие-то мысли ей грели душу: «Странные люди, таких не встретишь в городе, а если и встретишь, то не поймёшь, о чём они говорят. Их речь как лепет маленьких детей для взрослых».

Фадэра несмотря на жару захотела затянуться сигареткой. Ища в сумке заветную пачку сигарет, она вдруг обнаружила, что не взяла с собой кошелек при выезде из Иерусалима. «И чем я только думала?! Сейчас приедет Раин, а мне даже нечем с ним рассчитаться! Всё так плохо, даже противно! Так, Фадэра, соберись, решение всегда появится, если его попросить...»

От мыслей её отвлек напряжённый диалог женщин, приближающихся к ней. Она развернулась и, устремив свой запыленный взгляд в пустыню, начала вглядываться в силуэты.

Их было по большей мере трое. Образы становились чётче. Три женщины в юбках из яркой материи, которая местами уже выгорела, но всё ещё была насыщена. Волосы были убраны под контрастирующий с юбкой платок. Кофты свободного покроя, в некоторых местах ткань на их нарядах лоснилась от пота. Они втроём обнажили плечи на суд солнца, чтобы оно в свою очередь миловало их тёмным пустынным загаром... Что-то действительно серьёзное им не давало успокоиться. Снова и снова каждая из них начинала свою речь с каких-то, как казалось Фадэре, обвинительных восклицаний на непонятном для неё языке. Когда они остановились за пару метров от неё, Фадэра поняла, что причиной их возмущения и ссоры является она! От обилия золота у этих женщин сверкали руки, уши пальцы и...зубы!

– Цыгане!– изумлённо воскликнула Фадэра.–Откуда они взялись в пустыне? Неужели в городах им стало настолько тесно, что они теперь осваивают пустыню? Боже, зачем они идут ко мне?

Фадэра развернулась обратно лицом к дороге, но спиной уже чувствовала, как цыганки с ней поравнялись. Она делала вид, что не замечает их. Неожиданно, как в хорошей таборной постановке, они начали кружиться вокруг неё, шелестя юбками, напевая песни.

- Красавица, давай погадаю, всю правду скажу.
- Чего желаешь...
- Кого любишь...

Фадэра не реагировала на эти свистопляски, но они усиливали свою тираду, глядя своими чёрными глазами прямо ей в лицо. «Где же Раин?»

– Не бойся нас.

– Мы только добра желаем.

– Загляни в будущее.

– Расскажем все твои тайные желания.

И тут Фадэра не выдержала этих кружений у обочины. Ускользнув от них, она твёрдо с вызовом сказала.

– Цыганки, дайте денег!

Все танцы тут же прекратились, лица заменились на мины, а ласковые слова заменились на угрозы.

– Ты что, с ума сошла?! Ты о чём просишь?!

– Откуда у нас деньги?

Фадэре понравилась их реакция, наконец-то они остановились и перестали виться вокруг неё, как свора гиен.

– Дайте денег.

Периодически подходя то к одной, то к другой цыганке, повторяла она.

Те в свою очередь были ошарашены происходящим. Они потихоньку уже начали отходить от Фадэры.

– На вас висят килограммы золота. Ничего не произойдёт, если одна из ваших золотых амбарных цепей окажется у меня.

Тут цыганки с ужасом схватились за свои драгоценные кандалы, как будто Фадэра хотела их сейчас же сорвать с них.

Самая старшая, по-видимому, из них оправилась от страха, обрела речь.

– Золото для нас всё равно что кожа для тебя – мы не выживем без него.

– Не дадите, значит... – как бы подстёгивая их, говорила Фадэра.

– Красавица, ты наглешь... – пыталась кинуть ей вызов другая цыганка.

– Ваша наглость слишком заразна.

Все цыганки одновременно посмотрели на Фадэру. Старшая задумалась, а потом с улыбкой произнесла.

– А мы бы подружились, будь ты из наших. Жаль, но нам нечего друг другу дать.

– С тобой мы потеряли слишком много времени. Надо уходить.

Все посмотрели вверх в небо, прикрывая глаза рукой, и Фадэра тоже, пытаясь понять, о чём это они говорят. Потом эта же цыганка заговорила на родном языке, остальные развернулись вдоль обочины и пошли в сторону Мёртвого моря. Старшая цыганка задержалась возле Фадэры. С минуту она смотрела ей в глаза и пыталась что-то в них увидеть, а затем сказала:

– Знаешь, по-людски мы сейчас с тобой поругались, а по-цыгански мы с тобой хорошо подружились. И воспринимай мои последующие слова как слова друга. Единственное, что я тебе скажу. Ты пуста. Но ты всегда можешь выбрать, чем

наполнить себя.

Послышались голоса подруг, которые уже были недовольны её долгим отсутствием. Цыганка зашелестела юбкой и добавила:

– Мои сёстры говорят, что солнце уже обогнало нас и теперь надо торопиться. Пользуйся возможностью. Избавляйся от старого и наполняй себя новым, пока ты здесь.

И ушла. Испарилась вместе с сёстрами в раскалённом воздухе пустыни и асфальта.

Фадэра провожала их взглядом. В ней проснулось чувство подобное тому, когда тебя наряжают в новый непривычный наряд. Ты предстаёшь перед зеркалом и первое, что испытываешь, – это испуг. «Я пуста! В чём? Почему?» Если очень постараться, то можно было догнать их. Но зачем? Нечего было спрашивать. «Ты пуста» – звучало как диагноз, как приговор. Фадэра захотела отвлечься на время от размышлений и вспомнила, что перед всем случившимся хотела закурить.

– Нет денег. Зато есть то, от чего у меня в любой момент может остановиться сердце, ну или я просто задохнусь, и мне не придётся платить.

Весёлая гримаса нарисовалась на её лице. Ей действительно нравился чёрный юмор. Особенно свой. Особенно по отношению к себе. Было смешно. Сарказм усугублялся ещё тем, что ни Раин на машине, ни машины с Раином, ни всё по отдельности так и не появлялось в тающем горизонте дороги.

– Раин, я в тебе уверена, – с грустной иронией сказала Фадэра, выкидывая окурок на дорогу.

– Итак, меня ждёт увлекательная прогулка, длиною в вечер и целую ночь.

Закурив ещё одну сигарету, она отправилась в путь. Тихонько, не спеша, всё равно ей уже некуда спешить. Пройдя пару метров, она остановилась – нет машины. Пройдя ещё чуть-чуть, снова всмотрелась повнимательнее – никто не ехал. Спустя время Фадэра перестала смотреть на дорогу и так же тешить себя надеждой. Вдалеке послышался раскат грома. «Вот сейчас ещё дождя не хватало», она подняла глаза к небу – на нём не было ни облачка.

– Моя машина!

Фадэра была настолько счастлива, насколько бывает счастлив человек, который уже перестал мечтать, но судьба, как заботливый родитель, кладёт ему под ёлку желаемый подарок.

Автомобиль затормозил рядом с ней. Открылась дверь и из неё вышел Раин.

– Я так вижу, ты решила сократить путь домой. Молодец.

Фадэра начала кружиться вокруг машины. Подошла к колесу – оно было как новое, вот только покрышка другая, а в остальном всё было восстановлено. Пока Фадэра принимала работу, Рай рассказывал:

– Честно, дело было дрянь. Пришлось звать знакомых на помощь. Уже думал, что не успею, поскольку ничего не по-

лучалось, но потом всё пошло на лад и ремонт ускорился. Наверное, ты в меня поверила, – иронизируя прибавил он.

– Рай, я даже не знаю, что и сказать... – ещё не придя в себя, лепетала Фадэра.

– Наверное, спасибо, – добавил он, умиляясь её реакции.

Фадэра смотрела на машину и думала: «Как я могла в нём сомневаться?! Нет, конечно, я имела право на сомнения, но... Он – чудо». Вдруг её будто громом ударило: «Боже, как я ему скажу, что у меня нет денег заплатить за его труды? Вот влипла. Ужасно неудобно...»

– Фадэ, нашла изъян в работе? А ну признавайся?

Этими вопросами Раин отрезвил Фадэру, уже хорошо замлевшую от своих размышлений.

Она обошла машину и подошла к Раину. Фадэра опустила свой взгляд в землю, которая, как ей казалось, вот-вот превратится в шар, и она скатится от стыда прямо в ад...

«...кстати, земля итак имеет форму шара, значит, мы все обречены! Мне, как всегда, нечего терять!»

– Рай, прости, скажу тебе сразу и честно... У меня нет денег, чтобы заплатить тебе за твою помощь. Точнее, отблагодарить. Сама не знаю, что на меня нашло, кошелёк всегда лежал в сумке, а тут вдруг так вот..., но если мы с тобой поедem в город... уж я – то постараюсь...

Фадэра взглянула на Раина – тот был огорчен таким неожиданным стечением обстоятельств.

«Всё, я его расстроила».

Он обхватил рукой свою спортивную грудь, а пальцами другой захватил свой подбородок. Поза выражала полную задумчивость.

– Ну что ж... – в его речи возникла пауза, полная внутреннего размышления, спустя мгновение он продолжил: ...Давай пожмём пока друг другу руки. Над благодарностью позже подумаю.

И они скрестили свои ладони в благородном рвении благодарности. Прошёл определённый приличный отрывок времени, когда Фадэра поняла, что надо отпускать кисть, но, почувствовав сопротивление, жала её дальше, из жеста дружбы это начинало превращаться в клоунское действие.

– Раин, я тебе очень благодарна, но буду ещё признательней, если ты сейчас же отпустишь мою руку.

От его усталой серьёзности не осталось и намёка. Ехидно улыбаясь, он всё также продолжал сжимать её ладонь.

– Потанцуй со мной.

– Что?! – чуть не оглохнув от его безумия, выкрикнула Фадэра.

– Всего лишь пару па... в знак благодарности.

– Ты же сказал, что позже подумаешь!

– Позже не значит завтра. Я уже решил.

– Прямо здесь?! В пустыне?

– А что за предрассудки? Публики нет, тебя никто не будет стеснять. Огромный песчаный танцпол. Песок – самый выносливый критик, он стерпит любые твои движения.

Он потянул её руку на себя. Фадэра упёрлась.

– Без благодарности не прилично покидать честного человека, тем более твои ключи у меня, так что ДАВАЙ!

И одним резким движением он привлёк девушку к себе. Обнял галантно за талию, чем заставил Фадэру выпрямиться из оборонительной позиции, затем взял её кисть и положил себе на плечо. Он был выше на голову, так что взглядом Фадэра упиралась прямиком в ключицу.

– Раз-два-три, раз-два-три... У тебя отлично получается! Я приятно удивлён.

Раин получал огромное удовольствие от вальсирования на бостонский манер без музыки. Фадэра же старалась себя убедить в том, что всё происходящее просто плохой сон от переедания на ночь. «Такого не может быть. Это бред! Очень натуралистичный сон, в котором я всё прекрасно чувствую! Насколько я помню, во сне человек не чувствует запахов». Она принялась к телу Райна. Действительно, пахло стандартным мужским потом! «Какой ужас! Это не сон!»

Раин заметил, на что она среагировала.

– Да, от меня пахнет кофе дедушки Ола, пустыней и твоей машиной.

Как кавалер Раин вёл замечательно, ничего странного, что Фадэра почувствовала себя женщиной, и, как у всякой женщины, наступил момент, когда ей надо было выговориться.

– Нет, нет... Я просто, ай, это я, не обращай внимания.

– Не обращал, если бы ты не была такой напряжённой.

– Странное место – пустыня, обиталище не менее странных людей. Ты часто видишь здесь цыган?

– Почему тебя это интересует?

– Пока я ждала появления своей машины у дороги, ко мне подошли три цыганки, состоялся странный разговор, наверное, это здесь так принято беседовать, теперь не знаю, как реагировать на произошедшее и сказанное...

– Что они тебе сказали?

Как каждая женщина, дойдя до самой сути разговора, она вдруг понимает, что всё сказанное – чушь! И не стоит над этим задумываться. Лучше поставить загадочное многоточие, чем закончить повествование жирной глупой точкой.

– Забудь... Это же цыганки, что полезного они могли сказать, всё глупости.

– Ну а всё же?

В голове у Фадэры колоколом зазвучали слова «Тебе нечего терять». Преодолев преграду сомнений, она сказала:

– Уходя, одна из цыганок сказала, что я пуста.

– И что же? Тебя это расстраивает?

– Хуже, меня это заставляет задумываться!

Всё так же вальсируя, они продолжали разговор.

– Пуст человек не тогда, когда его ничего не наполняет, а когда он забит всякой чепухой, не помогающей ему, но и не вредящей. – Раин остановился, отвесил даме поклон и завершил начатую мысль.

– ...Это тоже своего рода пустота.

Слова Рая для неё звучали как новое интегральное уравнение, прибавленное к сотне уже существующих, но на которое она всё– таки уже знала ответ.

– Хм... А вот так я и не подумала.

Он подошёл к мазде, открыл водительскую дверь и жестом препроводил Фадэру на сиденье. Ключи были в зажигании.

«Меня опять выставили клоуном, но почему-то мне приятно».

– Спасибо за великолепный танец. Надеюсь, ты не злишься на меня за то, что я украл у тебя пару твоих блаженных минут жизни и потратил их по своему усмотрению,– говорил Раин, облакачиваясь на переднюю дверцу.

– Нет, мне даже понравилось,– Фадэра улыбнулась. – Хочу тоже сказать тебе спасибо, твои слова меня успокоили... Не так часто я встречаю людей, у которых это получается.

– Да, людей ты точно мало видишь! Тебе надо уже куда-то отправляться?

– Амм... Да. Машина на ходу, надо вернуть её законной владелице,– и в подтверждение своих слов она завела мотор.

Подобно врачу, услышавшему, что его пациент здоров, Раин отчеканил.

– Хорошо. Я пойду, – Раин закрыл дверцу и уже направился в противоположную сторону.

«Куда это он? Так быстро и стремительно полетел? Ммм...»

– Подожди!

Раин сразу остановился, как знал, что его окликнут.

– Что– то у меня сегодня сплошное дежавю,– лукаво про-
изнёс он, подходя к машине.

– Что значило в кафе «я тебя увидел»?

– Знаешь, иногда, запутывая людей, ты запутываешь то,
что их сковывает и не позволяет им быть самими собой.

Нависло молчание, и только мазда всё возмущалась, тратя
бензин впустую.

– Всё? – не выдержав, спросила Фадэра от удивления.

– Будет всё, когда ты поймёшь,– улыбаясь, сказал Раин.–
Ну всё, хватит разговоров. Тебе действительно пора ехать. И
ещё, если тебечто-то снова придёт в голову и ты не будешь
знать ответа, ты знаешь, где меня искать.

Фадэра зажмурила глаза, давая своё невербальное согла-
сие на его предложение.

Он отошёл от автомобиля на достаточно безопасное рас-
стояние для пешехода, взмахнул рукой на прощание и по-
брёл в сторону. В ту, которую «ему было нужно».

Она же в свою очередь отжала сцепление, переключила
скорость и поехала. Не куда-то, а просто поехала. Мазда шла
хорошо, даже не чувствовались осложнения после аварии.
Также Фадэра чувствовала:Раин наладил не только машину,
но и её саму привёл в порядок.

«Да, эксцентричности ему незанимать. Странные мето-
ды оболъщения... А с чего я взяла, что он хотел меня обо-
льстить?! Смешно, Фадэра, правда! Молодец, за фантазию

тебе пятёрка!»

Уже начинало темнеть. В пустыне по обыкновению темнеет быстро, солнце скрывается за час.

Через несколько десятков километров у Фадэры всё громче и громче начал разыгрываться музыкальный этюд в животе. За весь день она выпила только одну чашку кофе с сахаром, из-за остаточного налёта стрессового состояния есть не хотелось, но пищевой стриптиз продолжался и доставлял дискомфорт. Чтобы остановить это музицирование, ей снова захотелось усугубить своё здоровье, а если по-человечески – покурить.

Поскольку она пообещала Сорин, что не будет курить в машине, ей пришлось остановиться. Она не глушила мотор, хотелось, чтобы рядом было ещё что-то живое, ну или хотя бы работающее – так пропадало чувство одиночества. Фадэра взяла сумку и вышла из машины. Она закурила, устремив свой взгляд вдаль. В животе всё успокоилось, ну или просто умерло, какая разница, главное, что больше не слышно этих позывных из животного мира и ничто не отвлекает от мыслей насущных.

Природа красивее, чем мы думаем, и гораздо прекраснее, чем мы чувствуем... Фадэра вернулась к своей неизбежной мысли.

«Хотелось бы отблагодарить этого парня, но мы даже не обменялись телефонами и адресами...» Дым пошёл не в то горло, она закашлялась. Пепел от сигареты упал ей на шор-

ты, и, чтобы пепел не прожёт их, Фадэра смахнула его оригами, которое находилось в эту секунду у неё в руке, а затем, расправив его до размеров бумажки, она вытерла руки.

«Отлично, как всегда, хорошие люди долго не держатся рядом со мной, они выпадают из моей жизни, как волосы. С такой же периодичностью».

Она продолжила вычищать свои шорты с чувством глубокого сожаления, что судьба ей диктует правила, от которых она пока не в силах отказаться.

Смяла листок и уже хотела выкинуть, но вдруг замешкалась. «Нет, этого не может быть!» Фадэра не думала, что события могут быть такими предсказуемыми. Она залилась смехом. Истерическим, припадочным смехом.

Сигарета выскользнула из пальцев, но ей уже было всё равно.

На бумаге были написаны улица, дом и квартира, подпись «Рай».

Фадэра возмутилась: «Вот нахал! Откуда он мог знать, что я прочитаю эту запись?! У меня было достаточно возможностей: потерять, выкинуть, забыть в конце концов в кафе эту бумажку?!»

—Его самонадеянность начинает уже нарочито задевать моё личное пространство. Пусть не питает никаких надежд на мой счёт! — сказала и положила адрес в задний карман шорт. Практически влетела в машину и тут же тронулась с места.

Чем ближе становился Иерусалим, тем чётче Фадэра начинала ощущала свои травмы. Снова заныло колено, голову пронизывала тукающая боль, было ощущение, что старые проблемы и вопросы наконец-то смогли догнать её. «Всё было обманом, от грусти по себе невозможно скрыться, хоть это и самое непродуктивное чувство, но оно, как назло, знает все пароли от моего спокойствия».

Подъезжая к академии глубоким вечером, она машинально поставила машину на стоянку и, уже подходя к общежитию, поняла... что не хочет туда возвращаться. Ей вдруг отчётливо представилась блёклая картина её жизни. Она знала, что завтрашний день начнётся именно так. Утро, оно пройдёт, его даже не заметят. Где-то к предобеденному времени постепенно начнётся пробуждение «творческих индивидуальностей», все нехотя выйдут, нет, точнее, вылезут из своих... нор— и опять закрутится. Кто в ванной? Какое, к чёрту, доброе утро?! Тебе к какой паре? А чьё это пиво в холодильнике? Хорха, я возьму? Да сколько можно себя там драить в ванне?! Разбуди Сорин. Тебе надо, ты и буди... Пройдёт всего час, и от этих людей останется лишь эхо их речей. Все разбегутся по мастерским, салонам, выставкам, тусовкам и другим местам. Вечером все соберутся вновь на кухне у «круглого стола» и начнут обсуждать: какие педагоги

уроды, факультет – говно, академия – отстой. Между строк вспомнят родителей, неприличные истории с друзьями и обменяются парой чужих секретов со словами «Только никому, ладно?»... Всё, как обычно.

«Сейчас придётся что-то объяснять, рассказывать, а я ведь специально от этого уехала, хотела как лучше». Оказавшись в квартире, Фадэра приготовила пару шаблонов, как будет отвечать на все вопросы.

«Привет», «Нет, я не сошла с ума», «Каталась», «Ты права, закаталась», «Всё хорошо» и самое безапелляционное «Да, я дура».

Вооружившись ими, она вошла в прихожую, но никто не выбегал навстречу с красными глазами. «Странно, наверное, меня все ждут на месте судилища и общих сборов – на кухне. Сейчас я туда войду как подсудимая, а присяжные, ещё и не дослушав меня, сразу завопят, что я виновна во всём и даже в том, что случилось с ними. Хорошая перспектива».

Фадэра решительно распахнула дверь в кухню с фразой.

–Сорин, прос...

Не успела она её договорить, как поняла, что её слушателями являются стол, стул, холодильник и грязная посуда. Никого не было. Пусто. Заглядывая в остальные комнаты, она также не встретила ни одного знакомого или подобие творческого тела.

«Хм...может, это и к лучшему, я смогу спокойно поспать».

Фадэра разделась, а точнее, просто «повесила» одежду на пол. Скинула сандалии, отпультнув их «куда-то на обычное место», ей пришлось совершить трудный выбор: или пойти поесть, или направиться в душ. Всё вместе не представлялось возможным выполнить, поскольку сил осталось только на одно решающее действие. Она выбрала душ, он был ближе и приятнее первого.

Свалившись в кровать после процедуры, Фадэра стала засыпать. За день накопилась усталость, но сон, как всегда, не шёл. В голове, как перед быком, маячила красная тряпка, которая безумно раздражает, а убрать можно только двумя вариантами: либо бороться, либо умереть. Последнее отменялось сразу, второе же требовало дерзости и выдержки. Долго продолжался бой между подушкой и Фадэрой. Она засыпала себя вопросами: «Что это? Страх? Почему так происходит? Я уже взрослая девочка и должна спать одна». Никогда она ещё не чувствовала себя такой беззащитной перед своими внутренними демонами. Пугал не сам страх, а его ожидание. Сердцебиение участилось, с головы до ног её знобило. Фадэре казалось, что если задать вопрос в пространство комнаты «Кто здесь?», то непременно последует ответ. Только в тишине можно услышать крик своей души. А что делать, если душа молчит даже в тишине? Она не знала ответа... Тиканье часов падало звуковыми камнями на голову Фадэры. Комната стала бездонной, безнадежной, беспросветной. Терялись ощущения: вчера, сегодня, завтра, было что-то тём-

ное, куда-то засасывающее и одновременно высасывающее всё из тебя.

«Можно ли оправдаться перед миром, сказав, что я пуста?»

«Мне так хочется уснуть, что я скоро начну молиться...» Потом она призналась себе, что молиться она не умеет, да и не видит в этом здравого смысла. Карусель вопросов так и продолжала её закручивать, так как рычаги сомнения Фадэры были ещё крепки.

«А что если моё одиночество никогда не кончится?» Она подскочила с кровати, словно раненный рапирой зверь. Она сама нанесла себе смертельный удар и теперь не могла понять, как остановить болезненное душевное кровотечение. Фадэра кинулась к выключателю, но в темноте обо что-то сильно споткнулась и завопила: «Невыносимый бесконечный день!» Включив свет, она увидела своё несчастье – это была картина. Фадэра забыла, с какой яростью свергла её с мольберта и оставила валяться в пыли. Перевернув картину, творец искренне удивился.

«Надо же, не пострадала!» Смотря на неё, она пыталась прочесть потаённый текст своей души, но его понимание уже давно стёрто из голов тысячи поколений. Что-то прояснилось. Фадэра подбежала к шкафу, вывалила оттуда тёплые вещи, озноб так и не проходил, надела свитер, шорты, сандалии, схватила сумку, кошелёк. Выбежав на улицу, она чувствовала себя лучше, она решила пройтись пешком до дома,

номер которого был указан у неё на листочке.

По пути ей встречались люди, и казалось, что даже они понимают, что с ней происходит, почему ей не спится в эту ночь. Они знали, куда она идет, заранее. Фадэра тихо повторяла про себя адрес, записанный на бумажке. Было всё равно, что произойдёт дальше. Хуже, чем сейчас, уже быть не может. Она направлялась к Райну.

Фадэра достала листочек из заднего кармана шорт и сверилась с адресом. Вся действительность сходилось с написанным. Район старого города. Фадэра никогда не попадала сюда ночью. Он наполнялся энергетикой романтического гротеска и мистикой времени. Здесь пахло временем. Перед ней возвышался дом в пару этажей с одним парадным входом. Она поднялась на второй этаж и встала перед дверью. Только сейчас Фадэра осознала всю неразумность своего рвения. «Так, посмотрим на это с его точки зрения. Поздно ночью появляется молодая девушка, относительно симпатичная, и что она ему говорит?»

В голове начал формироваться вполне вразумительный монолог.

«Привет, ты, конечно, не поймёшь... Нет! Сюрприиз! Не ждал?! Ситуация идиотская». Немного подумав: «А может, сразу?! Разрешите сесть к вам на шею! Нет, ну это уже про-

сто невозможно»... Так она и стояла бы со своими размышлениями, пока сзади не послышалось чьё-то прерывистое дыхание. Фадэра обернулась на звук и на мгновение оторопела, своё удивление она высказала ласковыми словами:

– Твою мать!

– Прости, не останавливайся. Не обращай на меня никакого внимания! Не хочу тебя отвлекать! – сказал Раин, давась смехом в открытой двери в квартире напротив.

Фадэра, потеряв на мгновение ориентацию в пространстве, успела пропустить мысль «Интересно, я могу всё списать на то, что я творческая натура? Или по мне сразу виден диагноз?»

Она решила себя реабилитировать в его глазах, задавая, как ей казалось, логичные вопросы.

– Что ты здесь делаешь?

– Здесь? Живу. Но я так понял, что целью твоего визита являюсь не я и уж точно не моя квартира. А вот старушка в соседней квартире будет безумно рада твоей болтовне, она глухая и, как все божьи создания, к старости расслабила ум. Радуетса каждому незначительному событию в жизни, как ребёнок. Из вас получатся великолепные подруги.

И снова его грудь начал разрывать нескончаемый смех. Фадэра была поражена, она не ожидала такой реакции, ещё чуть-чуть– и она сама уже вызовет себе санитаров, чтобы они изолировали её от общества как психически неуравновешенную особу.

– Это была моя самая большая глупость! Прости, я пойду... – развернувшись к выходу, нетвёрдым шагом она начала «соскальзывать» со ступенек.

–Ну давай, пока! – Раин хлопнул дверью, и было слышно, как он резко повернул замок.

Фадэра была близка к обмороку. Она поймала внутри себя ощущение, что её бросили... Все бросили.

«Ещё немного –и я заплачу...» Ошеломлённая, она оглянулась на дверь, так сказать, «кинула последний взгляд на обидчиков». Всё, что было потом, выглядело примерно так.

Дверь была прикрыта на треть, а из неё торчали нос и левый глаз Раина, который украдкой наблюдал за ней, как маленький ребёнок, будто то, что она спускается по лестнице, был нереально смешной прикол.

«Он за мной наблюдает! До сих пор смеётся надо мной!» Раин заметил, что Фадэра его заметила. Какую-то долю секунды он пытался сдерживаться, но потом начал гоготать в полную силу. Фадэре эта ситуация стала напоминать детскую шалость. Весёлую детскую шалость. Уголки её губ сами по себе поднялись вверх, расплывшись в улыбке, а затем и голова запрокинулась назад от смеха. Они смеялись вместе. Прошло какое-то время, когда их животы от смеха уже получили сотрясение, а глаза стали влажными.

Раин распахнул дверь с добродушной улыбкой и произнёс:

–Я знал, что ты обернёшься, – со странным блеском в гла-

зах добавил: Теперь я вижу, что ты пришла ко мне. Проходи.

Фадэра отбросила все предрассудки и с уверенностью вошла в квартиру. Она ожидала увидеть стандартную квартиру холостяка: грязь, еда, грязь, кровать и снова грязь. Как она могла только предполагать, Раин мог жить не один, может, с родителями или с друзьями, наконец-то с девушкой. «Действительно, вот эта версия мне в голову не приходила!» И ей уже заранее стало неудобно, если последняя непредвиденная версия подтвердится. «Придётся тогда сразу уехать».

Войдя в холл, Фадэра поняла, что ни одно из её предположений не подтвердится. Квартира поражала своими объёмами и габаритами. Высокие потолки, из-за которых она приобретала образ дворца.

– Это двухкомнатная. Я снимаю эту квартиру, – сказал Раин, отвечая на немые вопросы Фадэры.

Она скинула сандалии и направилась за хозяином, дыша ему в спину.

– Я ненадолго... – оправдываясь, процедила Фадэра.

– Значит, навсегда! – подтрунивал Раин.

Раин развернулся к ней. Глаза цвета «грустного моря» смотрели на неё. Фадэра старалась не встречаться с ним взглядом. Слишком обжигающего характера был его взор, не для таких, как она. Раин поднёс ладонь к её лбу и по-отцовски смерил температуру.

– Фадэ, да тебя лихорадит! Ты вся трясёшься, как кролик в скоростном поезде! – немного подумав, он решитель-

но произнёс: Тебя нельзя отпускать в таком состоянии, иди за мной.

Взяв Фадэру за руку, он повёл её в одну из комнат. Она послушно следовала за ним, потому что помнила горький опыт, когда пыталась вырваться из его хватки.

– Оставайся здесь, я скоро.

Пока Раин куда-то в очередной раз испарился, Фадэра решила оглядеться.

Интерьер комнаты был прост: ковёр, кровать, стол и самый главный элемент – подушки. Они были везде, в каждом углу, разных цветов и размеров. Одну из них Фадэра заметила и решила присесть на неё и продолжить дальше осмотр с капитанского мостика. Самое удивительное, что у него не было никаких благ цивилизации. Ни телевизора, ни телефона, ни компьютера, все розетки были пусты, как младенцы, лишённые соски. Единственным предметом, работающим от электричества, было само электричество.

«Спасибо, что ещё свет работает».

Не увидев ничего более интересного и занимательного для себя в комнате, она подошла к окну.

Открывался невообразимой пейзаж, казалось, что стекло защищает Фадэру от убийственной красоты ночного Иерусалима. Старый город никогда не бывает так прекрасен, как ночью. Разглядывая фонари, Фадэра вспомнила случай из своей жизни, когда она только приехала поступать в академию, на улице к ней подошел незнакомец и сказал: «Я готов пре-

вернуться в брусчатый камень этой дороги, в зелень на скло- не горы, в пустынный песок, чтобы не покидать это город никогда. Здесь можно умереть» – и ушёл. Это было самое первое и яркое впечатление об этом месте.

«Теперь я могу согласиться с этим сумасшедшим... Здесь действительно можно умереть от красоты и... одиночества».

– О чём задумалась? – спросил Раин, появившись неожиданно, как фокусник из воздуха.

Выйдя из-под гипноза уличных красок, Фадэра оторва- лась от окна и увидела, что Раин преспокойно возлежит на подушках, а перед ним находится поднос с чашками чего-то очень ароматного. Взглядом он предложил ей сесть рядом. Фадэра поспешила ответить, усаживаясь среди подушек.

– Так... – пожала плечами. – О чём я думала, уже точно не думаю, – сказала она, устало улыбаясь.

– Слова мудреца, – протянул ей чашку. – За это надо вы- пить! Держи, это поможет твоему организму расслабиться и согреться.

Фадэра взяла из его рук довольно горячую чашку с неким напитком и на пару с Раином выпила его. После того как она совершила один обжигающий глоток, всё, что было в ней жи- вого, расплавилось от температурного перепада. Ощущение того, что ты проглатываешь огромный кусок солнца, кото- рым тут же начинаешь давиться.

– Что это? – спросила она с выпученными глазами.

Раин с нескрываемым удовольствием, смакуя на языке

оставленное глотком послевкусие, отвечал:

– Это гавайский напиток. Лечит душевнобольных, в общем, таких, как ты. А если ты спрашиваешь о его земных составляющих, то это горячий шоколад, сваренный на добротной мексиканской текиле. Замечательная вещь! Тебе, я вижу, понравилось.

И причмокивая, сделал ещё один глоток удовольствия.

– Очень... Но я воздержусь, – сказала Фадэра, пытаюсь пристроить кружку возле себя.

– Надо же! Сделав один глоток, ты уже выносишь ему приговор! – искренне удивился Раин. – Вся прелесть этого яства раскрывается со временем. С каждым глотком ты погружаешься в удовольствие всё глубже и глубже. Так же и с человеком. О нём можно судить, только спустя время, когда ты изопьешь хотя бы часть его жизни. Первое ощущение нужно довести до бесконечного чувства.

– Хорошо, – сказала Фадэра, возвращая чашку в исходное положение. – Я выпью его при одном условии. Если ты мне расскажешь о своей жизни. Я о тебе ничего не знаю, и это будет справедливый обмен.

– Хм... Обмен, говоришь. Если тебе это так необходимо, то я готов. Что ты хотела узнать, Фадэ?

Немного помолчав, определившись с вопросом, она начала:

– Что ты делаешь в кафе у дедушки Ола?

– Работаю.

– Кем?

– Когда как... Дедушка Ола стар и многого уже не может выполнять с прежней прыткостью. Приезжая на работу, я не знаю, какую роль мне отведут: официанта, повара или, как сегодня, спасателя, – на этих словах он радостно улыбнулся.

Фадэра сделала глоток, Раин продолжал рассказывать:

– В благодарность за помощь он поселил меня в эту квартиру. Взамен мне всего-то надо появляться каждый день на рабочем месте.

Отхлебнув ещё чуть-чуть, она слушала дальше.

– Живу я здесь один. В квартире появляюсь поздно ночью. Девушки, женщины или внебрачных детей у меня нет. В этом плане я биографический голодранец.

Он просиял задорной улыбкой после этой фразы.

Фадэра сделала огромный глоток, так что всё содержимое чуть не пролилось мимо рта.

С этими словами Раина последняя капля напитка соскользнула с края чашки и упала прямо на язык Фадэры.

– Можно ещё?

– Странно, я, по-моему, не прерывался? – заподозрил неладное Раин.

– Нет, я просто хочу ещё напитка, – смущаясь, сказала Фадэра. – От него мне становится намного легче.

– Аха! Изумительно. Говорил же, что он тебе придётся по вкусу. Хорошо, возьми мою чашку, я практически к ней не притронулся из-за твоих расспросов, – полный радости, он

протянул ей свою чашку.

– Не стоило, но спасибо, – она кивнула головой в знак благодарности.

– А ты знаешь, что у индейцев существует такое поверье. Если спутник берёт чашу хозяина, то он должен рассказать всё про себя, иначе спутник теряет расположение хозяина. Мне неинтересно знать про тебя ничего, но таковы обычаи.

– И ты в это веришь?

– По крайней мере, я это соблюдаю. Если тебе открыли двери дома, изволь и ты открыть дверь в своё сердце, – он пронзительно посмотрел на Фадэру.

– Если хочешь, я могу для простоты действия задавать тебе вопросы.

Она понимала, что молчать сейчас было бессмысленно, а уходить ещё неприличнее. Страх унижения перед своим уже высмеянным прошлым ещё остался, но что-то в ней на тот момент было, что позволило решиться на разговор – это чувство новизны.

– Я согласна. Задавай.

– Откуда ты?

– С Кубы. Имею двойное гражданство.

– Что ты делаешь в Иерусалиме?

– Учусь на художника в академии Бецалель, там же и живу в общежитии.

– Зачем ты пришла ко мне?

Фадэра подавилась, она не могла сказать ему просто, что

она пришла к нему только потому, что её мучила бессонница, это было бы глупо... и неправда. Она прекрасно умеет размышлять, иногда даже мудро, но её никто никогда не учил формулировать мысль своих собственных чувств. И, как слепец, не знавший света, она начала искать его наощупь.

– Помнишь, когда я уезжала, ты мне сказал на прощание: «Если возникнут вопросы, на которые ты не будешь знать ответа, то обращайся»?

– Да, было дело, сказал глупость, – сияя от радости, говорил Раин. – Вот видишь теперь, только и делаю, что отвечаю на них.

Фадэра замолчала, уставившись в чашку.

– Если ты решилась отвечать, то не отступай. Я не смогу тебя понять, пока ты не начнёшь говорить.

Она вздохнула и процедила, опустив голову.

– Я одинока.

– В какой-то степени и сам Бог одинок. А твой недуг называется совершенно по-другому, и его видно издалека. Это оди...

– ...ночество, – закончила Фадэра.

– Меня мучает одиночество. Оно вырастает во весь рост, когда я остаюсь одна, и задаёт мне задачки, сплетенные из моих же вопросов. Сегодня произошло что-то подобное.

– Так ты хочешь, чтобы я ответил на вопросы твоего одиночества?

– Скорее да, чем нет.

– Что бы и как бы я ни отвечал, всё равно на следующий день они возникнут вновь.

Одиночество подобно воздуху. Оно нас уничтожает и заставляет жить. Благодаря ему мы рождаемся, делаемся старше, но и так же мы стареем и умираем. Нам никуда не деться от него, даже в своей собственной семье. Даже в кругу родных каждый из нас одинок. Даже если он загрязнён, мы всё равно им дышим и говорим спасибо за то, что он есть. Когда нам не хватает воздуха, то мы начинаем понимать, что не хватает какой-то невидимой, самой важной частицы для жизни. Мы задыхаемся. И нам снова надо побыть одним.

– Так то, что со мной происходит, значит, нормально?

– А ты думаешь, что у тебя происходит что-то особенное? Отличное от других? Откажись от грязного воздуха, которым ты дышишь, и тогда ты выздоровеешь.

– Но как же жить без воздуха?

– Просто стань сама этим воздухом. Это чувство всего и ничего. В этом и заключается смысл жизни. Быть всем и ничем одновременно.

– Говоришь загадками.

– Говорю, как умею, сплошными ответами.

Фадэра хотела моргнуть, но её глаза сомкнулись, она просидела минуту в таком положении. Организм требовал сна. В полусонном состоянии Фадэра произнесла.

– Уже поздно. Мне надо ехать обратно, – поднимаясь с места, бодрясь из последних сил, она всё-таки пыталась рас-

статься красиво и вежливо.

Раин поймал её сонный взгляд.

– Вернувшись обратно, ты не сможешь уснуть снова. Если ты засыпаешь, для тебя это хороший знак. Завтра уже наступило, давай предположим, что ты просто рано пришла в гости и задремала.

Он улыбнулся. Но Фадэра подумала, что это может быть улыбка-маска, очень хорошая маска, скрывающая коварство. Гидра сомнений снова начинала шевелиться, и в голове промелькнуло шальное «А если?..».

– Я не буду с тобой спать! – возмущённо высказала она своё ультимативное заявление.

Раин изо всех сил боролся с приступами смеха.

– Честно, я бы и не стал. Не обольщайся. Мой интерес к тебе не имеет телесной подоплёки. Я так понял, что тебе понравилась эта комната, тогда она на несколько часов полностью в твоём распоряжении. Я буду в соседней, на случай, если ты придумаешь ещё несколько нюансов к своему заявлению.

Фадэра, зевая, начала что-то возражать, Раин так и не разобрал, о чём это она. Он подвёл её к кровати, усадил, голова с закрытыми глазами упала на подушку, Раин положил её ноги на одеяло. Фадэра так просто не сдавалась в плен сну, она упорно старалась разговаривать, но из этого ничего внятного, увы, уже не выходило. Единственное, что Раин смог разобрать, было: «Как хорошо было бы уехать отсюда к

чёртовой матери! Чтобы все проблемы вместе со мной взяли отпуск и поехали бы мы в разные стороны. Я –налево, они – направо. Где-нибудь там...хорошо».

Раин укрыл девушку покрывалом, выключил свет и, перед тем как выйти из комнаты, оглянулся, прислонившись к дверному проёму. Раин смотрел на неё минут пять, пока не убедился, что она точно спит и уже не захочет бежать. Убедившись в этом, он направился в другую комнату и, как бы размышляя вслух, озвучил мысль, которая его по-доброму умиляла.

– Забавно, но я тоже когда-то был таким.

Самое лучшее утро в жизни любого человека то, в котором тебя никто не будит. Ты никуда не опаздываешь, потому что попросту тебе никуда не надо. И даже это ласковое утро, которое пытается достучаться светом через закрытые веки к твоим глазам, оно не будет тебя ругать за то, что ты ещё немного повалешься в приятной дремоте. Ведь за тебя работает не спящая повсюду техника: светофоры, метро, автомобили, самолёты... Человек придумал технику для того, чтобы она работала за него и сэкономила время. Почему же мы всё равно куда-то постоянно спешим?! «Всё время, сэкономленное человечеством, я посвящаю на сегодняшний день себе». Этой мыслью Фадэра встретила новый день. Она не открывала глаз. Утро было приятно ощущать на себе, а не

смотреть на него. Покрывало лежало на полу, и свет из окна был единственным, что защищало её от холода внешнего мира. Солнышко согревало насквозь все позвонки и черенки тела, а она в свою очередь медленно потягивала утреннюю благодать, наполняясь силой и лёгкой теплотой. Вся эта нега продолжалась до тех пор, пока рядом с ней что-то не село на кровать, затем это что-то потрепало её за волосы и произнесло:

– С добрым утром, дорогая, а точнее, днём.

Точно, это был Раин, у Фадэры напрочь стёрлась информация о прошедших сутках, и она была в полной уверенности, что спит в своей постели. «Напиток действительно был волшебный. Он не хуже виски стирает память».

– Как спала сегодня? – осведомился Раин.

– Немного лучше обычного, – не открывая глаз, пробормотала Фадэра скорее подушке, чем Раину.

– Отлично! Значит, ты выспалась и готова! Просыпайся, мы улетаем, – Раин поднялся и направился к себе в комнату.

Как подгорающий попкорн, Фадэра подскочила на матрасе, с отпечатком подушки на лице и «ошпаренными» информацией глазами она побежала за Раином. «Не может быть... Это шутка!» Она вошла в комнату, в которой он спал, и увидела, что Раин куда-то собрался. Судя по количеству сумок. Он в свою очередь укладывал, в одну из дорожных сумок пакеты с одеждой. И как раз в этом интересном положении застала его Фадэра.

– Куда это ты собрался? – спросила она с откровенными нотками дикости в голосе.

– Туда же, куда и ты, – не отвлекаясь, ответил Раин.

– А куда это я? – этот вопрос прозвучал как вопрос к самой себе, а не к Раину.

– Подальше от проблем. Ведь так? Ты же сама об этом просила, – с честностью ребёнка отвечал он, не отвлекаясь на неё.

Фадэра покинула комнату и направилась в ванную. Там она тщательно промывала глаза, пытаясь смыть всё происходящее с себя, подобно сну, но, увы, реальность тем и отличается от сна, что в определённый момент она тебя шокирует, а не, как сон, ведёт по желаниям. Фадэра обхватила голову руками, проверяя, всё ли стоит на своих местах. Чтобы проверка завершилась успешно, надо было устроить ей тест-драйв, то есть «покурить и подумать». Выйдя из ванной, она взяла сигареты и вышла на лестничную клетку. Присев на корточки и оперевшись взглядом в соседнюю дверь, Фадэра закурила. Первая мысль, которая её посетила, была «Может, сразу убежать от этого сумасшедшего?!» Она заметила, что сигарета ещё недостаточно сотлела, но всё равно продолжала делать рефлексорные движения, стряхивая пепел. «Хотя это ещё надо подумать, кто от кого должен бежать. Я незваный гость, которому делают неожиданное предложение. Но он прав, я действительно этого хотела. Может, это и лучше, что это произошло именно сейчас и именно он это предло-

жил?!» Минул экватор сигареты – она продолжила рассуждать дальше: «Думаю, постоянно думаю, потому что хочу до чего-то додуматься. Но, может быть, решение в этом случае зависит только от действия? Не от действия ума, а от действия поступка... Он в свою очередь определяется желанием. Уже нет той уверенности, что мне это необходимо. Наверное, стоит просто сказать Раину великое спасибо за всё, удалиться и надеяться на то, что, может быть, в твоём игральном автомате жизни когда-нибудь выпадут все вишенки и ты встретишь такого же человека вновь. Это было бы очень похоже на меня. Заменить действие на надежду... Фуу!» Фадэра отвлеклась от мыслей, заметила, наконец, что всё это время курит фильтр. «Какая гадость!» Она затушила его, а потом вдруг взяла и начала рассматривать. «Надежда... Наш своеобразный фильтр от мирских невзгод. Каждая ситуация, происходящая с нами или с нашим участием, наполняет нас надеждой. Вот так надеешься, надеешься, а жизнь в нас всё тлеет, проходит мимо, заполняя постепенно фильтр. И вот наступает момент, когда жизнь подходит к финишной прямой, а у вас в наличии только отравленная надежда – больше ничего». Фадэра выкинула окурочек через лестничные перила и поспешила в комнату к Раину.

Она застала его на кухне за приготовлением завтрака к обеденному времени.

– Раин, я еду с тобой, – выпалила она, радостно подлетая к нему. – Вот только у меня вопрос: куда мы направляемся?

– Какая разница! – отвечал он, помешивая в кастрюле что-то очень ароматное.– Могу сказать только одно: там есть солнце, вода, песок – в общем, всё, что нужно.

Фадэру напряг ответ Раина. Точнее, его отсутствие. Но, может, всё не так страшно, и то, что больная фантазия уже нарисовала в красках, как он везёт за границу продавать её органы, всё это чушь?

Он же танцевал у плиты, постоянно помешивая и пробуя, вызывая тем самым у Фадэры желудочный спазм. «Сигарета на голодный желудок ещё никому не помогала».

Наконец Раин закончил и поставил благоухающее блюдо на стол. Фадэра разглядела часть ингредиентов: рис, кусочки рыбы, какие-то ягоды. От всего блюда исходил непривычный сладкий запах. «Наверное, ещё один рецепт, от которого люди теряют разум, но от такого запаха я готова даже на время ослепнуть». Она пододвинула к себе тарелку. Раздразнив обоняние, она хотела перейти к процессу поглощения. «Наемя!»

– Это не тебе, – сказал Раин, забирая у неё тарелку и присаживаясь за стол.

Полная удивлённого разочарования, Фадэра сложила руки на груди, как обиженный ребёнок.

– Ты мне предлагаешь совсем не завтракать?!

–Почему же?– удивился Раин как бы между прочим. Не вставая со стула, он открыл дверку холодильника и достал оттуда...бананы.

– Вот, держи!

Оставалось только банально сказать спасибо и начать их жевать.

– Спасибо.

– Да не за что! – Раин так же смеялся, как и ел – очень вызывающе и заразительно.

– Не обижайся, я лишь берегу твои впечатления. Поверь, скоро тебя будет подташнивать от этой еды.

– А ты не думал, что меня может тошнить от бананов? – нависла тишина, Раин перестал жевать.– Шучу! Мне они пришлись по вкусу! – задорно откусив банан, она принялась за расспросы.

– Слушай, а что будет с квартирой, когда мы, ну то есть ты уедешь.

– Ничего.

– А как же дедушка Ола? – размахивая бананом, интересовалась Фадэра.

– Аха. О нём не беспокойся. Он-то знает, что в это время я исчезаю. Ола смог дожить до столь преклонного возраста потому, что никогда не задавал вопросов. Это мне в нём и нравится.

Фадэра задумалась на мгновение, как бы попытаться вспомнить дедушку Ола. «Хм... Действительно, хороший человек».

Когда второй банан подходил к концу, она продолжила распялять свой интерес новыми вопросами.

– Слушай, Раин, я тебя не спрашиваю, куда мы едем. Мне это не то что не интересно, да и сюрпризы я не люблю, как бы тебе это объяснить...

– Тебе всё равно, – глядя на неё с улыбкой, ответил он. Фадэра пожала плечами. Может быть.

– Мне нужно время, чтобы собрать всё необходимое для путешествия. Сколько у меня времени есть на сборы?

Отставив блюдо от себя, он, довольный и сытый, весело заметил.

– Совсем забыл тебе сказать, у тебя нет времени, – тихо-нечко встал и побрёл в комнату собираться дальше.

Фадэра выплюнула кусок третьего банана и пошла за ним, чтобы не подавиться, как с ней это обычно бывает во время испуга. Раин снова своими словами поставил её в неудобное положение. Она кинулась за ним, чтобы он вернул всё на свои места.

– Как это у меня нет времени?!

– А зачем оно тебе? – застегивая чемодан, спрашивал Раин. – Всё необходимое есть там, куда мы летим.

К горлу Фадэры сразу хлынули вопросы: «Куда мы летим? Почему? Зачем? Что делать?» Единственное, что она смогла произнести:

– Мне нужно обязательно попасть домой! Так же нельзя!

Раин присел на кровать, жестом он пригласил Фадэру сесть рядом. Она послушалась. И вот они уже сидят вместе, он берёт её кисть руки и разворачивает к себе лицом. Она

напугана. Он же просто начинал говорить:

– А что ты там забыла?

«Что я там забыла?» – единственная фраза, раздававшаяся в головном вакууме Фадэры. Она впала в мысленный анабиоз. Время остановилось. Подобно языку в колоколе, болтался этот вопрос: «Что я там забыла?», «Там, что я забыла?». И вдруг она поняла: «А забыла ли я что-то там?!» Звон распространяется по всей округе и всё замеряет. «Как можно забрать то, чего нет! Вещи – это не хорошее настроение, друзья, эмоции, чувства. Жаль, что мне нечего терять, но я могу найти хотя бы что-то. Поиск тоже является поступком».

– Смогу ли я?

Раин взял вторую руку Фадэры и положил её в свою ладонь.

– Всем людям при рождении Бог даёт крылья. Но, имея их, мы всё равно предпочитаем сидеть на месте. А всего– то надо сделать взмах навстречу ветру.

Фадэра смотрела на него и не понимала, что происходит. Ей казалось, что она превращается в птицу. Раин медленно поднял её руки вверх, и грудь девушки наполнило доселе неведомое чувство. Неизвестное чувство – чувство свободы. Уже почувствовала попутный ветер, который дует ей прямо под крылья, осталось только поверить в то, что ты сможешь долететь и твои слежавшиеся крылья осият этот путь.

– Я верю.

Она произнесла эти слова, подобно молитве ребёнка, ко-

торый молится, не зная о чём, но от чистого сердца.

– Вот видишь, ты поняла, что твои привязанности не стоят ничего.

Фадэра посмотрела на себя, Раин уже не держал её руки. Она сама их оставила без изменений, на высоте, где сейчас находились её мысли. В чрезвычайно возбуждённом состоянии от пережитого чувства она возрадовалась:

– Рай, давай улетим поскорее! Когда наш рейс?

Её немного лихорадило, но Раину это даже нравилось.

– Куда ты так спешишь! Господи! – он театрально напустил на себя озабоченный вид: насупил брови и взялся за подбородок. – Что ж раз, ты уже готова, не смею тебя задерживать! Вперёд!

Он расплылся в ослепительной улыбке. Уже покидая комнату, Раин приблизился вплотную к Фадэре, наклонился к самому её уху и ласково сказал:

– Кстати, руки можешь опустить.

Она тут же скинула их. «Правда, правда, совсем с ума сошла!»

– Так ты идёшь? – слышалось где-то из района коридора.

Фадэра подскочила и затопала босыми ногами к Раину. Он ждал её уже в коридоре.

– Уже? Ты разве не будешь брать то, что ты так долго складывал? – с настороженностью она спрашивала у него.

– Зачем? У меня всё с собой.

Он развернулся вполоборота, показывая небольшую сумку, которая висела через плечо.

– А зачем же тогда ты потратил время на сборы этих огромных саквояжей и чемоданов, если они тебе не нужны?

– Я всегда считал, что люди берут с собой чемоданы для того, чтобы создать иллюзию дома в путешествии. Я пошёл дальше, оставив эту иллюзию, где ей и следует оставаться – дома!

Его логика была смертельно логична для всего живого. А то, что было мёртвое, постепенно оживает рядом с ним. Фадэра скороговоркой проговорила:

– Можешь спускаться, я только отыщу сумку и выйду следом за тобой.

Раин сказал: «Хорошо», и вышел, хлопнув дверью.

Фадэра пошла в комнату, где недавно так сладко спала. Отыскала сумку, проверила в ней наличие паспорта, денег, карточек и, главное, сигарет! Всё на месте: «В дамской сумочке всегда есть всё самое необходимое для непредвиденных ситуаций».

На выходе из квартиры стояли её сандалии, одни в целой квартире, как и их обладательница. Фадэра смотрела на них сверху вниз, потом на свои ноги, затем опять на сандалии. У неё впервые не появлялось мысли о побеге, глядя на них. Недолго думая она впрыгнула в обувь и вышла за порог. Хлопнув дверью, Фадэра попрыгала по ступенькам с одной мыслью: «Странно, мы даже не заперли дверь...»

Толпа народу сновала огромными кучами по чётко выверенной траектории маленькими и большими стрелочками, буквами, цифрами. Все бежали по своим делам. По выражению их лиц можно было подумать, что каждый из них как минимум президент, которому срочно надо решить проблемы, возникшие в только ему известном государстве: в офисе, семье, на отдыхе, а может, и в них самих. Заведённые на полную своими заботами, они спешили бежать, хотели успеть, догнать. Прошёл один человек, за ним пробежал другой, затем – ещё кто-то такой же. Уже полчаса Раин и Фадэра прохладжались на скамейке в аэропорту, наблюдая эту постоянно повторяющуюся людскую анимацию. Первая сдалась Фадэра:

– Раин, я не понимаю, чего мы ждём? Что-то не так? – размахивая руками, говорила она.

– Я просто хотел, чтобы ты понаблюдала за людьми, – поохотничьи прищурив глаза, он посмотрел на неё и добавил: Они безумно интересны!

– Что тут такого интересного? – недоумённо спрашивала она его. – Обыкновенная рябь из людей, которые ничего не видят дальше своего носа, пока их не спросят: «Что вам, рыбу или курицу?»

Тяжело вздохнув, Фадэра прижала сумку крепче к груди и положила голову на колени.

– Смотри! – практически выронив одно тихое слово в её ухо, он сразу возбудил в ней интерес. Фадэра разогнулась и приготовилась впитаться взглядом в любой объект.

– Я всегда знал, что самые хорошие актёры – в очередях.

Прямо перед ними была касса продажи билетов. Многочисленную очередь обслуживала всего одна сотрудница аэропорта, и если бы не стол заказов, который разделял «нуждающихся» от «дающей», то её бы заклевали вопросами, а затем просто чисто по-человечески бы поколотили.

– Простите, но билеты на этот рейс проданы, – отвечала девушка, обладающая красивым лицом, формой и бейджом.

– Да как же это так? – удивлялся молодой человек делового вида.

– Ничем не могу помочь. Билетов нет.

Брюзжа и проклиная всю систему израильских авиалиний, он покинул очередь. Но на его место пришли сразу двое – импозантная супружеская пара. Если сравнивать их возраст с точки зрения виноделия, то господин напоминал французский коньяк сорта «двин» десятилетней выдержки, а его избранница походила на свежавыжатый виноградный сок. Приблизившись к очереди, мужчина с лицом Повелителя Стихии уверенно начал движение к кассе, но тут он столкнулся с бойкой действительностью в виде многодетной семьи, мать семейства которого перекрыла путь, гордо выпятила грудь, на которой спал ребёнок, привязанный платком.

– Ты куда это собрался? – прорезался голос послеродовой

депрессии.— Вставайте в хвост очереди, быстро!

— Женщина, не ломайте комедию. Меня здесь ждут,— с надменной вялостью продекламировал мужчина.

— Ах, ждут! Ну и пусть тебя немного подождут. Главное ведь для человека что? Чтобы его ждали. А теперь вставай в конец очереди! Живо!

Не захотев больше иметь с этой женщиной никакого диалога, мужчина развернулся и вышел из потока людей ни с чем к своей обожательнице. Всё, что происходило ранее, не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило дальше, когда появились самые коварные люди — люди пенсионного возраста. Они просачиваются везде, в любые места и пространства подобно запаху и не скупятся на изобретательность. Милая старушка, трясясь и тяжело дыша, благословляла всех, кто ей попадался.

— Спасибо вам большое, милый человек. Я только спросить. Пропустите, пожалуйста, старую женщину, что вам стоит молодым красивым...

Все, естественно, пропускают. И вот когда уже до цели остаётся пройти всего пару человек, вдруг откуда ни возьмись раздаётся пронзительный голос:

— А вы с каким это вопросом хотите обратиться?

Всё так же ласково:

— По поводу билета.

— Так давайте я вам подскажу, часто летаю, в билетах разбираюсь.

– Я хочу спросить у сотрудника,– еле сдерживая раздражение.

– Не надо отвлекать девушку вашими старческими глупостями. Вы что-то не разобрали? Давайте билет, я подскажу, что вам делать.

– Сам ты старый! Тупица! Нет у меня билета, не понял, что купить хочу! – яростно крикнув, с бешеным напором крота она начала расталкивать всех оставшихся локтями, роя себе путь к сотруднице аэропорта.

– Остановите её! Какая наглость! – слышались различные протестующие голоса.

– Я здесь уже стояла! – продолжая работать руками, старуха кидала фразы в толпу.

– Да я вас впервые вижу! – удивлялся какой-то молодой человек, стоявший рядом.

– Слепой?! Дак уйди с дороги! Касса для инвалидов в другом месте! – старуха нападала и огрызалась с яростью молодой львицы.

Через мгновение старуха наткнулась на непреодолимое препятствие. А что может остановить таких людей? Только такой же человек, как и они, но намного наглее. Старуху пыталась отфутболить дама с загипсованной ногой. Она поставила ногу так, что старушенция забуксовала в своём своеобразном блицкриге по захвату авиатерминала.

Раин и Фадэра смотрели на все происходящее, как на весёлый водевиль: улыбаясь, аплодируя, иногда даже им хоте-

лось крикнуть «браво», но жаль, его бы никто не услышал. Весь этот клоунский абсурд довёл всех двоих до истерических слёз. Смех Фадэры остановился на самом пике веселья, она не могла справиться с вопросом, нависшим не только над ней, но и над Раином.

– Мы не сможем купить билеты. В такой обстановке это не то что трудно, это невыносимо, – за её иронией скрывалась некая обречённость.

– А вот и нет! Давай сюда свой паспорт, а об остальном я позабочусь.

Фадэра успела достать документ, Раин тут же схватил её за руку, в которой он находился, и повёл к «раскалённому жерлу» очереди.

Люди всё так же продолжали ругаться и выяснять, «кто последний». Раздался гром в виде обращения Раина ко всем, кто там был.

– Эй! Кто из вас первый?

Всё остановилось, люди опешили от такого неожиданного абсурдного вопроса, а Фадэра подумала: «Ну вот опять, началось». Люди начали смотреть на рядом стоящих, как будто хотят их в чём– то уличить.

– Ну я первый, – ответил мужчина делового вида.

Раин прямой наводкой направился к нему, волоча за собой Фадэру. Никто его не останавливал, не загромождал путь и не ставил подножек. Все ждали развязки вопроса. Поравнявшись с так называемым первым, он высказал.

– Так, значит, это ты? – всматриваясь в спрашиваемого.

– А что? – бравируя, отвечал тот.

Тут в диалог вмешался мужчина профессорской наружности.

– Вы, конечно, меня извините, но я точно помню, что вы появились здесь значительно позже меня.

– Мне пришлось отойти по делам, но затем я вернулся.

– Нет, ну вы посмотрите! А я здесь, по-вашему, для мебели стою три часа?! Если уж кому и быть первым, так только мне! – возмущалась молодая девушка.

Фадэра смотрела на всё с замиранием сердца. Всё происходящее настолько поражало своей масштабностью, что мысли в её голове начали циркулировать с космической скоростью. Как собака, пытающаяся ухватить себя за хвост, так и эти люди пытаются разобраться «в начале конца». В доказательство своей правоты «бастующие» применяют автоматные очереди слов, самопальные гранаты бумаг, атомные ракеты угроз. Но в такой атаке люди не замечают, что слепнут от ярких вспышек снарядов и глохнут от детонированного рокота. Они превращаются в душевных инвалидов!

Фадэра сжала ладонь Раина, который стоял у кассы и не обращал никакого внимания на неё, а всецело посвятил себя в заигрывание с сотрудницей аэропорта, которая была уже полностью им очарована и в полной готовности сбросить с себя красивую лицо, форму и бейдж.

– Если бы это можно было бы остановить... Это ужасно!

Раин сделал вид, что он неохотно отвлекается от столь увлекательной беседы.

– Ты права. Самое ужасное в мире – это совершенство людского невежества, но таковы несовершенства человеческих взаимоотношений.

«Он может так спокойно об этом рассуждать?! Немыслимо!»

– Простите. Вы просили два билета. Куда вы направляетесь? – кокетливо интересовалась сотрудница.

– В Дубай.

И сразу же зазвучал поисковый цокот клавиш.

– Куда?! – выкрикнула она, чуть не сорвав голос от шокирующего известия.

Раин не успел отреагировать на эту выходку, потому что сотрудница аэропорта его быстро обнадёжила.

– Вам крупно повезло: есть два билета на рейс через два часа.

– Прекрасно! Я в вас не сомневался!

Сотрудница залилась пунцовым румянцем, так она стала ещё привлекательнее, что выводило из себя Фадэру.

– Можно ваши паспорта?

– Конечно!

Он уверенным движением водрузил два паспорта на стол. Сотрудница уже хотела взять их, но вдруг на два удостоверения личности шлёпнулась рука Фадэры.

– Подожди! – она пыталась отдышаться, подобно мара-

фонцу. – Я не готова! Это обязательно? Может, полетим куда поближе?! – с наивностью спрашивала она.

Раин мгновенно приблизился к её лицу, заглядывая ей прямо в глаза, чем испугал Фадэру.

– Фадэ, – он так произнёс её имя, что оно, подобно току, прошло от головы до самых пяток. – Почувствуй себя. Ты бежишь от страха, каждый раз увеличивая скорость, и каждый раз удивляешься, почему он тебя догоняет! Перестань убегать. Остановись, ты увидишь, как страх промчится мимо.

Фадэра ушла от его взгляда, спрятав глаза под опустившейся головой. Она чувствовала, что ещё одно слово, ещё совсем чуть-чуть – и из её глаз хлынул слёзы. Не глядя на Раина, она сказала сдавленным голосом:

– Ты говоришь о страхе, как будто знаешь, что это такое.

– Мне слишком знакомы глаза страха.

Все, кто остался в живых после разборок в очереди, начали ополчаться против зачинщиков беспорядка, то есть Раина и Фадэры. Сотрудница отреагировала на эту роковую тишину и беспокойно заторопилась.

– Так вы решили? Вы летите или нет?

Фадэра приняла тот факт, что Раин знает о её страхе. Хоть внешне она не выражала своего отношения к его словам, но в душе ей было радостно, что хоть кто– то понимает, как ей трудно с этим жить. Душевное чувство дало расслабляющий импульс в предплечье, затем в плече, потом всё перетекло в

кисть и закончилось на кончиках пальцев. В конце концов она убрала руку с захваченных паспортов, чем обрадовала сотрудницу аэропорта, которая схватила их и быстрыми отточенными годами движениями начала вбивать данные их личностей. Раин в свою очередь заметил влажный след на обложке документов от её ладони. Расплатившись, они услышали заветное «Удачного полёта!».

Как на рекламном плакате перед входом в терминал, девушка с улыбкой протянула им паспорта с вложенными вовнутрь билетами. Раин словно человек, который сорвал большой куш, ловким движением забрал свой выигрыш, добавив по-интимному:

– Вам чертовски идёт эта форма.

Сотрудница, потупив взор, судорожными пальцами принялась поправлять аккуратно сделанную причёску. Фадэра сразу смекнула: «Надеюсь, что так она поправляет свои пошлые мысли, засовывая их обратно себе в голову!»

– Вам надо спешить, пока против вас не собралось целое войско.

– Спасибо, что заботитесь о наших жизнях, – он галантно поцеловал её руку, а Фадэре, как девочке, которая клянчила мелочь, кинул: Пошли.

Двое направились в сторону от кассы. Они сделали это вовремя, поскольку толпа в негодовании могла их раздавить. По мере удаления слышались возгласы: «Мне нужно», «Почему вы не отвечаете?», «Вы обязаны нас обслужить».

Фадэра обернулась и увидела, как сотрудница провожала Раина пленённым мечтательным взглядом, не замечая орущей на неё толпы.

«Не отрицаю, он обаятелен и привлекателен – этим свойствами обладают все мужчины, когда им это особенно необходимо. Они включают его как брендспойт на полную мощность и начинают заливать! Что ж, хоть что-то в нём есть от обыкновенного мужчины, что поддаётся объяснению».

Раин что-то говорил, улыбался, но Фадэра его не слышала. Она шла, опустив голову, пытаясь о чём-то хотя бы задуматься, лишь бы не ходить с пустой головой, для неё это было слишком уязвимое состояние. Внезапно её что-то ударило в ногу, раздался звонкий шлепок под коленкой, и вместо мыслей пришла...боль!

– Ай! Что происходит?

Сработали защитные реакции организма. Она мгновенно развернулась со сжатым кулаком, чтобы наказать задиру. Но, увы, никого не оказалось. «Неужели люди научились так быстро убегать?» Тут же шлейф её мысли прищемил очередной удар шлепком. Наконец-то Фадэра направила свой взор вниз и увидела своего обидчика – милую девочку трёх лет в жёлтеньком платьице и с грязными ладошками. За ней уже бежала какая-то женщина, которая не могла угнаться за крохой по всему аэропорту. Фадэра присела на корточки, чтобы разглядеть столь интересное божье создание поближе. Было неизвестно, кто за кем наблюдает. Взгляд ребёнка был заин-

тересованным и лучистым. Девочка приблизилась и обхватила своими крохотными ладошками щеки Фадэры. Этот наивный искренний жест очень ей понравился, прикосновения были трогательные и нежные. Её пальчики двигались быстро. Когда она добралась до волос, было не столь приятно от того, что малышка пыталась то накрутить их себе на ручку, то вырвать, но всё равно смотреть на ребёнка было подобно гипнозу. Крошка даже пыталась к ней принюхаться, вот что Фадэру искренне удивило и растрогало. На всю эту нежную идиллию был потрачен всего миг. Женщина, очень похожая на саму девочку, наверняка приходящаяся ей матерью, подбежала и схватила непослушную хулиганку, чем разрушила связь между ними. Дама, усадив малышку на руки, начала, что-то объяснять рядом стоящему Раину на непонятном языке, по мелодичности очень напомидало русский. Девочка явно не хотела уходить, вертелась у неё на руках и глядела на Фадэру всё так же изучающее. Проговорив извиняющимся тоном пару мгновений, женщина удалилась, унося ребенка. Малышка, сидя в маминых объятьях, смотрела на Фадэру и махала ей ручкой так, как могут это делать только дети: выкидывая вперёд ручку и сжимая пальчики. Улыбаясь, как добрый друг, она всё прощалась и прощалась, а затем скрылась за поворотом вместе с мамой.

– Эта женщина сказала, что она оставила дочку в детской игровой комнате аэропорта, а сама отправилась сдавать багаж, по возвращении она с ужасом обнаружила, что малыш-

ка сбежала. Девочка больна, и поэтому ей ни в коем случае нельзя оставаться одной. Только благодаря тому, что её ручки были в краске, по настенным следам она смогла её отыскать,— объяснял Раин, протягивая ей платок.

— Ты знаешь русский?— всё ещё провожая девочку взглядом.

— Нет, я просто понимаю.

Никак не прокомментировав его странный ответ, она задала ещё вопрос.

— Чем она больна?

— Синдром Дауна.

Фадэра не верила своим ушам: «Синдром Дауна! Этого не может быть! Да она же абсолютно нормальный ребёнок! Боже...» Вдруг её пронзило копьё отчаяния, ей хотелось плакать от того, что общество так устроено, что, прикасаясь своей клейкой действительностью к чему-то живому, оно сразу приклеивает ярлык «здоровый— больной», «богатый— бедный», «живой— мёртвый». Но это же неправильно! С точки зрения жизни мы никогда не будем здоровы. Нам всегда всего мало, и поэтому мы не будем богаты. Мы не сможем быть живыми, пока будем верить в смерть... Потекли слёзы от того, что Фадэра понимала, что также, как и та девочка, она «объярлычена»...

Вывел её из этой мысленной темноты внимательный голос Раина.

— Кстати, смотря на тебя, я думаю, что у девочки есть от-

личные способности к рисованию.

– Что?

Он развернул Фадэру к стеклянной витрине, где та сразу увидела все художества, которые нарисовала на её лице девочка. Она была похожа на сентиментального шахтёра в сине-зелёном мазуте. Рассмотрев себя, как подросток, ищущий угри на своём лице, осмыслив всю свою безумную внешность, с её губ сорвался смех. Раин тоже был доволен такой смене настроения и решил поддержать и засмеялся вместе с ней. Странно, но этот вид натолкнул её на совершенно очевидную мысль.

– Раин, – не теряя весёлого расположения духа, она выхватила из его рук платок и, вытирая лицо от краски, продолжала мысль: Это создание мне кое-что подсказало.

– Что именно? – спросил Раин заинтригованно.

– Недавно я хотела кое-что спрятать на долгое время, чтобы потом спустя время во мне накопилось столько смелости, чтобы я смогла отказаться от этого.

– О чём ты? – он был взволнован не на шутку.

– Пошли.

Она впервые в жизни кого-то вела за собой.

Раин шёл немного позади и наблюдал за её переменой. Она стала смелее, увереннее. Всё-таки женщины умеют превращать любое событие в великое знамение. Пройдя достаточно быстро таможенные заслоны, они оказались в божественном месте беспошлинной торговли – дьюти-фри. Фад-

эра мгновенно проанализировала пространство. Единственное, за что она зацепилась взглядом, была вывеска «Товары для пассажиров». Фадэра искала определённо нужную ей вещь, но пока Раин не мог разобрать, что именно. Продвигаясь всё дальше, сновав между рядами, заглядывая на все полки, Фадэра всё никак не могла найти необходимое, и вот наконец, перекопав всю полку с надписью «Для детей», она достала внушительную коробочку, довольным тоном произнесла:

– Вот.

Раин был ошарашен.

– Краски?! Тебе нужны были краски!

– Нет, конечно. Мне ещё нужны кисти. Где-то я их уже видела.

Немного пошебуршив рукой в товарах, она нашла их.

– А вот и они! – она вытащила из-под альбомов упаковку кистей.

– Это всё?! Может, ты ещё захочешь купить себе раскраску или пижаму для подростков?

– Да. Этого будет достаточно, – не вникая в сарказм Раина, она думала о своём.

Раин как джентльмен расплатился за даму в магазине, Фадэра сопротивлялась такому недорогому жесту и всё– таки в кассе продавца оказались его деньги. На выходе из торговой точки, еле сдерживая улыбку, она поблагодарила.

– Не стоило.

– Ты права, в наше время искренность ничего не стоит.

Объявили посадку на их рейс, и спустя ещё полчаса, минуя все проверки билетов и багажа, они поднялись на борт самолёта. Он был практически полностью укомплектован пассажирами. Фадэре было уготовано место у иллюминатора, хотя это её ни радовало, ни огорчало. Снаружи уже стемнело, и, может, это к лучшему, что она не сможет увидеть, город Святых, в котором все стремятся остаться. Раин сел рядом. Симпатичная стюардесса уточнила, побеспокоившись, хорошо ли они расположились. Раин вновь проявил чудеса сноровки, воспламенив сознание девушки до розовых щёкодным ответом: «Спасибо. Всё отлично».

Фадэра смотрела на него изучающим взглядом.

– Удивлена? – радуясь сказал Раин. – Я же говорил, что всё получится.

– Да, твоё умение уговаривать женщин нам очень пригодилось.

Раин от удивления приподнял брови. Он сделал искренний вид, что не понимает, о чём она говорит.

– Не отрицай, ты с ними флиртовал и заигрывал.

Он пытался сдержать улыбку и подавить удушливые смешки, но всё скрылось только наполовину. С издевательской полуулыбкой он произнёс очень тихо прямо ей в ухо:

– С чего ты взяла, что я заигрывал с ними?

– А что же тогда, по-твоему, это было? Может, у вас, у мужчин, это как-то по-другому называется, например «Бес-

платный экстаз» или, может...

Он перебил её возмущение фразой откровенно интимной окраски.

– Я заигрывал с тобой.

Волна испуга прошла по всему телу Фадэры за секунду. Она отвернулась от него, сделав вид, что хочет спать, но на самом деле причина была другая: нельзя было, чтобы Раин заметил её нездоровое возбуждение. Фадэра отвернулась, дабы спрятать свои откровенно выкатившиеся глаза.

Самолёт тронулся с места, взяв прямой ускорительный разгон, его фюзеляж начало потряхивать. А Фадэру потряхивали её мысли: «Неужели это правда?! Он надо мной издевается в какой-то уж слишком извращенной манере, ставя меня в неудобные положения». Раз-два-три – и самолёт уже оторвался от земли. «Хотя очень странно, что меня это взволновало».

Убирались шасси, и из перевозного транспорта он превратился в воздушный корабль на аэродинамических волнах, и Фадэру укачивало. Последние слова, услышанные ею перед тем, как полностью провалиться в сон, были слова Раина.

– Через два-три часа мы будем на месте.

«Да будет так».

☪☪☪

–Фадэра...

– Что? Что случилось?

Распахнув глаза, она подпрыгнула с места, увидев снова лицо Раина, которое находилось в неприличной близости к ней.

– Может случиться, если мы сейчас же не покинем борт самолёта.

Фадэра протёрла глаза, попыталась что-то разглядеть в промерной темноте иллюминатора. Турбины самолёта не ревели, и вообще не было никакого постороннего знакомого звука. Так что мысль о том, что ей придётся выбрасываться из самолёта на полном ходу, сразу отпала. Всё так же ничего не понимая, она спрашивала:

– Подожди. Мы что, уже прилетели?

– Нет, мы наконец-то долетели. Самолет задержался на целый час из-за погодных условий. Мы просто висели в воздухе, а пассажиры так перепугались, что со страху съели все комплексные обеды и выпили все запасы алкоголя. Поэтому можно сказать, что у тебя был полноценный сон.

«Надо же, какие всё-таки события иногда пропускаешь во время сна, поистине неблагодарное занятие, но вот по поводу полноценного сна я бы поспорила».

Раин достал с верхней полки сумки, взял их в одну руку, а в другую – Фадэру, поскольку та ещё никак не могла прийти в себя от сна над землёй. Всё дальнейшее их продвижение можно охарактеризовать как движение к выходу. Спустя меньше часа они оказались «снаружи». Раин шел впереди и периодически оборачивался, повторяя: «Не отставай».

То, что Фадэра увидела после того, как за ней захлопнулись автоматические двери аэропорта, не поддаётся никакой адекватной оценке. Начнём с того, что её сонное состояние сразу развеялось от клаксонной буффонады многочисленных такси. Придя так быстро в сознание, она не могла понять, нравится ли ей то, что она видит, или нет. Её ожидания по поводу людей в национальных одеждах не оправдались: всё было по-европейски просто и со вкусом. Это значит, что то, что в Европе ты просто покупаешь за деньги, то здесь ты покупаешь всё по арабскому вкусу – деньги с гораздо большими нулями.

Спустя некоторое время, пока Фадэра любовалась видами Дубая, к Раину пошёл мужчина в летнем костюме. Глядя на него, можно было бы предположить, что он уроженец Пакистана или Ирана: такой же смуглый цвет кожи и рост выше среднего, характерные восточные черты в лице. Одно его отличало от настоящих пакистанцев: он улыбался. Если сказать, что он был рад встрече с Раином, то это значит не сказать ничего. Его улыбка сияла белизной дружбы и светом непоколебимой преданности. Раин тоже безмерно был счастлив его видеть. Обменявшись братскими крепкими объятиями, они вдруг заговорили на неизвестном Фадэре языке. Они явно обсуждали что-то смешное и позитивное.

«Ну вот, опять меня обсуждают». Поглядывая то на Фадэру, то на Раина, мужчина с улыбкой понимающе кивал. Затем, когда, видно, речь Раина подошла к концу, он заговорил

на английском:

– Мы думали, что ты не успеешь.

– Я опоздал, но всё-таки успел.

– Да, это в твоём духе.

Запрокинув голову, они засмеялись, затем снова по-мужски приобнялись, похлопав друг друга по плечу. После всего выше перечисленного Раин наконец-то представил своего приятеля:

– Фадэра, познакомься. Это мой друг Тома. Он нам поможет добраться до нашего места.

– Очень приятно, Тома, – дружелюбно сказала она.

– Не думал, что остались люди, которым ты ещё ничего не сделал, а им уже приятно.

Фадэра сконфузилась, чем снова рассмешила обоих. В её голове пронеслась мысль: «Зря я надеялась, что Раин один такой».

Улыбнувшись, Тома добавил:

– Всё, нам пора.

Так и не разъединяя объятия, они направились к машине, которая стояла неподалёку от места встречи. Говоря снова на своём ни на что не похожем языке, они совсем забыли про Фадэру, как ей показалось. Она была похожа на маленькую девочку, которая хочет побыстрее вырасти и понимать то, о чём говорят взрослые. В конце концов ей, как маленькой девочке, стало скучно со взрослыми и она углубилась в игру, которую очень любила и уважала, – она закурила.

«Не курить целые сутки! Можно констатировать, что за это время для этой роковой сигареты я превратилась в здоровую девственницу». Распахнулись двери машины, и все разом в неё сели, а Фадэра осталась докуривать сигарету. Тома завёл машину, и они... поехали! Фадэре даже в страшном сне не могло такое присниться, что она останется одна в незнакомом городе.

«Они так заговорились, что забыли про меня!»

И она погналась за машиной. К счастью, кто-то из них двоих обратил внимание на то, что за машиной кто-то бежит: то ли злая собака, то ли перепуганная девушка. Они дали задний ход, чем чуть не сбили Фадэру. Задыхаясь от непереживаемых эмоций, в растрёпанных чувствах и с растрёпанными волосами она влетела в распахнувшуюся дверь авто. Не ожидая от себя такого, она начала ругаться на них обоих. Доведённая до состояния белой горячки Фадэра апеллировала крепким громким словом, размахивая руками и качая головой. Молодые люди смотрели на этот выход экспрессии удивлённо и заинтересованно. Их взгляд напоминал взгляд туриста, который впервые в жизни видит обезьяну в брачный период в местном зоопарке. И это ещё больше распяляло кубинский нрав Фадэры, который не так часто в ней просыпался. Запас ругательств в её случае был нескончаемым, но всё-таки она остановилась, чтобы перевести дыхание. Как только в её легкие вошел свежий кислород, в её голове наступил момент просветления.

«Господи, уже свыше 10 минут я сижу и ругаюсь на испанском!»

Как только ребята заметили, что Фадэра успокоилась, Раин незамедлительно взял ироничное слово:

– Ты безумно хороша, когда ругаешься!

Его глаза сверкнули нездоровым восхищением.

Тома взглянул на Фадэру и в свою очередь добавил, обращаясь к Раину:

– Очень интересный экземпляр.

Он повернул ключ зажигания, и все вместе они куда-то поехали. Одни везли, а другая разрешила им себя везти. Дальнейший их путь проистекал спокойнее. Фадэра хотела попросить прощения за своё поведение: всё-таки она была гостьей в этих краях, и не надо было себя вести таким неподобающим образом. «Почему я так удивляюсь таким глупым ситуациям с моим участием? Я давно должна была привыкнуть к этому, как медведь, которого жалят пчёлы. Кричать, возмущаться... Боже, я так напоминаю свою мать!» Она смотрела в окно и не обращала внимания на то, что говорят впереди сидящие. Фадэра провожала взглядом рядом проезжающие превосходные иномарки, тюнингованные по последнему слову автомобильной моды джипы. Всё было нарочито ярко и пафосно. Постепенно дорога перетекла в центр города. Это зрелище приковало Фадэру к стеклу. Центр Дубая ослеплял своим неоновым прожекторным светом. Нет. Он просто выкалывал глаза перенасыщенными радужными

цветами подсветок. Было ощущение, что в каждом многоэтажном здании спрятано солнце и его лучи пробиваются через окна. «Здесь никогда не наступит ночь, – думала она. – Диснейленд для взрослых из дорогих побрякушек, развлечений и людей». Проживая в городах с довольно древней и выдержанной архитектурой, её мозг никак не мог вместить в себя те формы здания новейшего зодчества, из которых был, собственно, и создан Дубай. Внимание Фадэры привлекло что-то невероятное, за гранью понимания привычной конструкции строений.

Разговор двоих друзей может остановить только глупый вопрос девушки.

– Мимо чего мы сейчас проезжаем? Что это? – взволнованно спрашивала она.

Тома и Раин переглянулись.

– Это «Бурдж-аль-Араб». Арабская башня.

«Великолепная конструкция. Мне кажется, да Винчи стоило бы задержаться и увидеть это».

Продолжить разговор у двоих друзей не получилось.

– Что вот это? – тыкая в стекло пальчиком, как маленькая девочка, она пыталась спросить взрослых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.